
Кэти
СВИТ
Врачебная тайна
ШАНС НА СЧАСТЬЕ

Кэти Свит

Врачебная тайна. Шанс на счастье

https://litres.ru/74824142

Аннотация

-Кто настоящий отец твоих сыновей, Василиса? - взгляд проницательных серых глаз смотрит прямо в сердце. Рассказывать правду слишком страшно. Если он узнает об этом, то никогда меня не простит. -Не важно, - отмахиваюсь. Внутри все дрожит. - Я знаю, что это не твой муж, - продолжает настаивать. Нависает надо мной, требует ответа. - Кто? Говори! -Мужчина, который отправил на аборт, когда узнал о моей беременности, - произношу гордо вздернув подбородок. Я до сих пор помню его смс… -Кто это? - рычит не скрывая своей ярости. - Я его уничтожу! Не уничтожишь. Потому что это ты.

История Миши Майорова - История Сани Хмельницкого -

Содержание

Глава 1. Саша Хмельницкий 4
Глава 2. Василиса 9
Глава 3. Саша Хмельницкий 15
Глава 4. Василиса 22
Глава 5. Саша Хмельницкий 28
Глава 6. Саша Хмельницкий 34
Глава 7. Саша Хмельницкий 40
Глава 8. Василиса 46
Глава 9. Василиса 52
Глава 10. Саша Хмельницкий 57
Глава 11. Василиса 64
Глава 12. Саша Хмельницкий 70
Глава 13. Василиса 75
Глава 14. Саша Хмельницкий 81
Глава 15. Саша Хмельницкий 88
Глава 16. Василиса 93
Глава 17. Василиса 98
Глава 18. Саша Хмельницкий 103
Глава 19. Василиса 111
Глава 20. Василиса 117
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Глава 1. Саша Хмельницкий

- Ты нужен в приемном! - в трубке раздается напряженный голос Высоцкого.

Друг явно встревожен и мне это явно не нравится. Обычно Леха спокойный и уверенный в своих действиях, как удав.

Обычно он в приемное не спускается. Кстати!

- Ты что там забыл? - спрашиваю, ухмыляясь. - Аля отправила отбывать повинность?

- Сань, я серьезно, - произносит без тени юмора. Напрягаюсь. - Спускайся. Без тебя угробят малыша.

Последняя фраза действует на меня безотказно. Настроение моментально меняется, я вмиг становлюсь собранным и готовым к решительным действиям.

- Никого не подпускай к ребенку! - говорю бросая все свои дела. Благо, ничего срочного нет и я с чистой совестью могу покинуть отделение.

Не теряя ни единой секунды, направляюсь к лестнице, спускаюсь вниз и ищу бокс, в котором меня ожидает Высоцкий. По косым взглядам, направленным в правое крыло, и перешептыванию понимаю, что двигаюсь в правильном направлении.

Вижу друга. Резко останавливаюсь.

- Что случилось? - обращаюсь к Высоцкому, широко распахивая дверь и переступая порог.

Он сидит на кушетке рядом с ребенком, которому на вид около года. Он мне смутно кого-то напоминает, но сейчас не то время, чтобы анализировать внешность.

Судя по хмурому взгляду Лехи, ничего хорошего ждать не стоит.

- Сутки нет стула. Газы не отходят. Два часа назад началась резкая периодическая боль.

Он называет симптомы по которым я понимаю, что времени у малыша практически не осталось. Любое, даже самое малейшее промедление угрожает не просто здоровью, а жизни малыша!

- Температура? - уточняю. Это важно.

- Тридцать семь и один, - озвучивает цифру, поднимая на меня замученный взгляд.

Хреново, но не критично. Пока что.

- Ты так и не поспал? - оцениваю состояние Лехи. Мы оба сегодня дежурили и судя по всему, у него выдалась "веселая" ночь.

- Есть такое, - признается отмахиваясь. - Осмотришь ребенка?

- Да, конечно, - отвечаю приближаясь к пациенту.

Малыш видит меня, бросает испуганный взгляд на Леху и принимается плакать.

- Не бойся, - обращаюсь к маленькому пациенту. - Я тебе не сделаю больно, - обещаю, но мальчик не слышит меня и продолжает капризничать.

Осторожно, чтобы не напугать ребенка еще сильнее, начинаю осмотр. Проверяю кожный покров, трогаю живот, измеряю пульс. И чем дальше углубляюсь в изучение симптоматики, тем тревожнее мне становится.

Клиническая картина не радует. Совсем.

- Где мать малыша? - спрашиваю у друга.

- Я здесь, - в бокс забегает запыхавшаяся девушка.

Поворачиваю голову в сторону и все мысли вылетают из головы. Василиса!

Она видит меня и застывает. Кидает на брата возмущенный взгляд.

- Что ты здесь делаешь? - в шоке смотрю на свою бывшую.

Мы были вместе чуть больше года, а потом расстались без объяснения причин. Я пытался разобраться, что случилось, но Василиса вместо объяснений возненавидела меня.

До сих пор так и не понял, что произошло тогда. И меня это гложет.

Потому что после расставания, как ни пытался - не смог выкинуть ее из головы.

- Что он здесь делает?! - она шипит разъяренно и, не скрывая злости, смотрит на меня.

Игнорирую ее выпад и продолжаю осматривать мальчика. На истерики и разъяснения времени нет.

В любую секунду может возникнуть перитонит и тогда уже будет не до обсуждений и подготовки к оперативному вмешательству. Придется экстренно нестись в операцион-

ную и вслепую заходить в брюшную полость.

- Не мешай, - рычу не смотря на нее. Все мое внимание обращено к плачущему ребенку.

Живот мягкий. Это хорошо. Но вот, кишечник полон, а содержимое дальше не движется. Это плохо.

Непроходимость. Твою ж мать!

- Что он ел? - спрашиваю у бывшей. Но она даже слышать меня не желает.

Подлетает к малышу, вклинивается между нами и не позволяет осматривать мальчика.

- Убирайся отсюда! - с гневом показывает в сторону выхода. - Немедленно! - в глазах девушки блестят слезы, голос дрожит.

- Вась, успокойся, - вмешивается Леха. - Саня отличный диагност. Он спасет Степку.

- Нет! - кричит.

- Уведи ее, - обращаюсь к другу сухим безэмоциональным голосом.

Я силой воли отключил эмоции и не позволяю себе чувствовать. Если поддамся бушующему в груди урагану, то совершу ошибку.

Она станет фатальной для малыша.

- Пойдем, - напряженным голосом произносит Высоцкий. - Тебе нужно успокоиться.

- Нет! - кричит и плачет одновременно. Убери его от моего сына!

- Василиса, угомонись! - рявкаю, поднимаясь на ноги.

Встречаюсь взглядом со своей бывшей и меня сбивает с ног от ненависти и боли, что переполняют ее.

- Я единственный, кто может вытащить твоего сына с того света! - озвучиваю суровую правду. Девушка в ужасе округляет глаза. - Так мне убраться?! - рычу не скрывая своей злости. - Или ты угомонишься и не будешь мешать мне делать свою работу? А?!

Глава 2. Василиса

- Мам, у меня нет никаких новостей про Степку, - произношу тяжко вздыхая.

Она звонит уже пятый раз за последний час, постоянно ахает и охает, причитает. Жалуется на подскочившее давление и просит срочно забрать моего второго сынишку. Потому что ей нужен покой.

Терпеливо объясняю о невозможности забрать годовалого ребенка пока нахожусь в стационаре. Здесь ему не место от слова совсем.

Нет бы просто поддержать…

- Лёша его забрал час назад и с тех пор врачи не спускались, - продолжаю объяснять матери ситуацию. Словно она изменилась за пять минут.

Брат сразу сказал, что ситуация крайне нехорошая и в ближайшее время новостей ждать не стоит. Степу забирают на экстренную операцию, которая продлится несколько часов.

- Федя капризничает. Хочет к маме, - говорит так, словно я поехала на курорт, пью мохито на пляже и нежусь под лучами горячего солнца слушая прибой. А не сижу убитая горем в ожидании новостей про своего сына.

Сына, который в стационар попал в том числе и по ее ви-

не!

Держать себя в руках и не поддаваться отчаянию очень тяжко. От осознания собственной беспомощности становится плохо, как никогда.

А если у тебя еще толком нет никакой поддержки, так не впасть в истерику и поддаться отчаянию практически нереально.

Но я каким-то чудом держусь.

Держусь во многом благодаря серьезному взгляду серых глаз и словам, которые он мне сказал. Верю, что мужчина выполнит обещание и спасет моего сына. Нашего малыша.

В голове раз за разом прокручиваю наш последний разговор. И чем дольше я о нем думаю, тем быстрее паника угасает.

Словно Хмельницкий одним взглядом серых глаз смог ее прогнать.

- Саша! Я не могу стоять в стороне и просто ждать! - произношу в отчаянии, кидаясь к своему сыну. Его увозят на каталке, Степка плачет и зовет меня.

Сердце разрывается на части от боли. Ни дышать, ни думать, ни стоять не могу.

Силы покидают, рыдания душат. Опираясь рукой на стену, медленно сползаю вниз.

- Лисенок, - сильные мужские руки подхватывают меня и крепко держат не давая упасть. - Я вытащу Степку! - его голос с надрывом отзывается слабостью где-то в самом глуби-

не сердца. - Успокойся, - заклинает меня. - И не реви.

- Угу, - киваю со слезами на глазах.

- Посмотри на меня, - говорит требовательно.

Поднимаю на мужчину глаза.

- Помни, твое состояние передается сыну. Он чувствует твой страх и сам начинает нервничать, - серьезный тон, строгий взгляд. Впитываю каждое слово. - Единственное, чем ты можешь помочь, так это держать себя в руках и надеяться на лучшее. Ясно?

- Угу, - киваю, поджав губы. Меня всю трясет.

Хмельницкий крепко прижимает меня к своей груди.

- Мы спасем его, Лисен, - заклинает. - Верь мне.

Резко, так же как и обнял, отстраняется и широким быстрым шагом уходит. Оставляя меня одну.

Чуть позже, в бокс вошла медсестра и проводила в комнату ожидания. В которой я до сих пор сижу.

- Я приеду домой, как только получится, - отвечаю безжизненным голосом. Пытаюсь следовать указаниям Хмельницкого и держать себя в руках.

Но у меня внутри не осталось эмоций. Там глухо, как в танке, а внутренности сковывает дикая боль.

Сама того не желая мама своими словами делает мне ещё больнее. Мне и так хреново, а она…

Думает только о себе.

Прав был Лёша, что не пустил её к себе жить! Это было единственным верным решением.

Жаль, что я тогда поддалась на уговоры и позвала ее жить к себе. Лучше б квартиру сняли, как изначально предлагал Лешка.

Или к Андрею б отправили… Брат он нам или не брат?

Вновь бросаю печальный взгляд на часы. Обреченно вздыхаю, стрелки на месте. Кажется, время остановилось и больше не движется.

Вздыхаю опять.

- Мам, пожалуйста, положи Феденьку спать, - прошу. - Уже очень поздно и он капризничает из-за того, что устал.

- Он у меня не укладывается! - психует. - Ни в какую! Я пробовала.

- Положи в кровать, приглуши свет и включи спокойные мультики, - терпеливо предлагаю вариант. - Только не советские, а современные! - предупреждаю.

Зная ее, она включит старые мультфильмы, которые мы смотрели в детстве. К сожалению, мальчикам нравятся только некоторые из них.

- Ты меня еще поучи, - произносит беззлобно. Но мне все равно неприятно от ее слов.

- Он любит мультик про мишек и лисичку, - объясняю. - А еще про коров.

- Про коров? - удивляется. В голосе сплошное недовольство.

- Да, мам, про коров, - повторяю еще раз. - Включи какой-то из них и он спокойно уляжется.

- Разберусь, - говорит и резко отключается.

Последнее, что слышу перед завершением вызова так это грохот на заднем фоне и плачь Феденьки.

Сердце уходит в пятки.

Строя самые невероятные предположения трясущимися пальцами набираю номер матери, считаю длинные гудки. Вызов скидывается.

Набираю снова.

- Мама! - чуть ли не кричу в трубку, как только она принимает звонок. - Что у вас?

- Все в порядке, не ори, - смеется. - Федя кастрюлю с водой на пол пролил, - поясняет. - Я лужу вытирала.

- Вода холодная была? - тут же уточняю. Меня всю трясет.

- Конечно, - продолжает смеяться. - Я картошку почистить собиралась, но перед этим тебе решила набрать. Вот, почистила.

Выдыхаю.

- Понятно, - успокаиваюсь в очередной раз. - Хорошо, что все обошлось.

- Дочка, с нами все будет в порядке, - заверяет. - Как будут новости по Степке позвони.

- Обязательно! - обещаю.

Попрощавшись с мамой завершаю вызов и поднимаюсь с кресла, сидеть не могу. Принимаюсь расхаживать по небольшому помещению.

Подхожу к окну, останавливаюсь напротив и принимаюсь

следить за движением машин. На улице уже стемнело и за светом уличных фонарей многое не видно.

Красиво.

Степке было плохо несколько дней. Я уже что только не делала! И в поликлинику обращалась, и врача на дом вызывала. Скорую… Все говорили, что с ребенком все хорошо.

В том числе и моя мама.

Гриша, мой муж, так вообще заявил будто я плохая мать и сыновей лучше сдать в детский дом. По мнению моего мужа там им самое место.

Не знаю, почему до сих пор с ним не развелась. По хорошему давно пора подать документы на расторжение брака, да только он ведь, гад, от меня не отстанет.

Будет война.

А я к ней, к сожалению, пока не готова.

- Вась, - за спиной раздается голос брата. Резко оборачиваюсь, встречаюсь с Лешей глазами. Забываю дышать.

- Как все прошло? Что со Степой? Он в порядке?!

Глава 3. Саша Хмельницкий

- Давай я сам, - обращаюсь к другу проходя вперед.

Захожу в комнату для ожидания, ее совсем недавно отремонтировали, но даже с новой краской на стенах и мебелью здесь как нигде в другом месте чувствуется отчаяние. Все буквально пропитано им.

Бедная моя девочка, ты в этом месте столько времени просидела? Нужно как можно скорее забрать тебя отсюда!

- Мне будет проще, - продолжаю, пытаясь отвлечься.

Зацикливаться на своих чувствах к несносной упрямице для меня крайне опасно. Если погрязну в них, то все пропало. Самые “тяжелые” пациенты эту ночь не переживут.

Встречаюсь взглядом с Василисой, вижу ее полное тревоги лицо и все мои установки вылетают из головы напрочь. Эмоции рвутся из клетки ломая барьеры, сметают все на своем пути.

Делаю глубокий вдох. Задерживаю дыхание.

Мне требуется несколько секунд, чтобы вернуть свое спокойствие и унять ураган.

Снова поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Лисой. В моем взгляде твердость и уверенность в своей правоте. В ее - боль.

Эта боль отзывается острым порезом на сердце. На миг

забываю, как нужно дышать.

Собираю всю свою волю в кулак и снова одерживаю победу над бушующими в груди чувствами. Василиса ничего о них не должна узнать.

Она сделала свой выбор. Решила расстаться.

Пытаться выяснить причину расставания больше не стану, ведь у нее был выбор и она его сделала. Жаль, что не в мою пользу.

Увы и ах.

Вдруг осознаю, что наше расставание слишком остро ощущается и я оказываюсь не готов к подобному откровению.

Хм… Весьма неожиданно.

Думал, что я уже этот момент прожил, отпустил и забыл. Но, оказывается, это все вымысел. Забыть Василису оказалось не так просто, как я рассчитывал.

Удивительным и непостижимым образом мои чувства к девушке до сих пор живы! А я так надеялся, что они остались в прошлом.

М-да.

- Рассказывай ты, я не против, - соглашается с предложением друг.

Он заходит следом за мной и не замечает возникшего напряжения в помещении. Ни я, ни Василиса лишний раз стараемся друг на друга не смотреть.

- Хоть сам послушаю, - добавляет печально. - В опера-

ционную ж не допустили, - подмечает намеренно громко. Я пропускаю его замечание мимо ушей.

Лехи на операции не было, его Аля не допустила. Я считаю, что его заведующая правильно сделала, запретив родственнику брать в руки скальпель или отвлекать своим присутствием хирургов во время процесса.

Конечно, даже несмотря на запрет, Высоцкий намеревался сам оперировать своего племянника. Но вот только я не позволил.

Какими бы мы не были хорошими друзьями, но чувства нужно оставлять ЗА дверью операционной. Да и негласное правило не оперировать своих никто не отменял.

Понимаю, Леха уже однажды проводил оперативное вмешательство своему сыну. Но там ситуация была совсем иной.

Плановая проктопластика кардинально отличается от экстренного случая. А если учитывать слаженность команды, заведомое обсуждение ухода от осложнений и многолетний опыт проведения такого рода операций, то случай со Степкой совсем не такой.

Степе требовалась срочная операция. И никто не мог гарантировать ее благоприятный исход.

Понятно, мы готовы были сделать все, что только возможно для сохранения жизни. Но не нужно обольщаться. Одно неверное движение, слегка дрогнувшая рука, секундное промедление или самый малейший промах могли убить малыша.

- Лис, - обращаюсь к Высоцкой. От переизбытка эмоций голос охрип.

Подхожу ближе, не удержавшись беру ее за руку и, пытаясь успокоить разбушевавшиеся нервы, принимаюсь рисовать замысловатые узоры на тыльной стороне ее ладони. Удивительно, но девушка свою руку не отнимает.

- Степа жив, - начинаю с самого главного. Хочу продолжить, но осекаюсь.

Напряженно наблюдаю за стоящей передо мной девушкой и понимаю, что мне совершенно не нравится, как она себя ведет.

Василиса резко бледнеет. Делает шаг в сторону, выставляет свободную руку вперед пытаясь поймать равновесие упирается ею ко мне в грудь.

Ой, как нехорошо…

- Лех! Нашатырь! - успеваю сказать за секунду до того, как девушка потеряет сознание.

Высоцкому достаточного одного беглого взгляда, чтобы понять всю серьезность ситуации. Он тут же вылетает в коридор, а Лиса обмякает в моих руках.

Девушка слишком сильно перенервничала, вот и результат.

- Все с твоим сыном будет в порядке, - произношу прекрасно понимая, что она меня не слышит. - Вытащу я его. Слово даю!

Хоть там будет не просто…

Мне не нравится то, что я успел заметить, пока готовили малыша к наркозу и у меня теперь очень много вопросов. В первую очередь, к отцу малыша.

Но об этом всем я подумаю позже. Сейчас у меня полно более срочных дел.

Бережно опускаю Василису на кушетку, убираю с лица волосы, слежу за дыханием и сердцебиением. Все в порядке. Девушка начинает приходить в себя.

Дыхание становится глубже, быстрее, пульс ускоряется, Лиса открывает глаза.

- Привет, - заставляю себя улыбнуться.

- Что со мной было? - спрашивает хмуро озираясь по сторонам. Пытается сесть, не позволяю.

- Ты потеряла сознание, - объясняю. - Полежи, - опускаю на ее плечи раскрытую ладонь.

Нежная… Хрупкая… Лиса словно тростиночка! Одно неверное движение и можно сломать.

- Что со Степой? - снова пытается подняться, нервничает.

Поведение Высоцкой вполне объяснимое, ведь она мать. Василиса души не чает в своих детях и никогда этого не скрывала. Я уверен, она прекрасная мама!

Только вот живет с мужчиной, который стал ночным кошмаром для этих самых детей.

- Он в реанимации. Операция прошла без осложнений, - произношу осторожно подбирая слова. Сейчас одна неверная фраза может вызвать самую настоящую истерику. - Степ-

ка под моим присмотром.

- Мне можно к нему? - смотрит на меня с мольбой. Понимаю, как сильно ей хочется видеть сына, но так же знаю, мне не стоит ее к нему пускать.

- Нет, - произношу твердо.

В уголках глаз Лисы блестят слезы, она шмыгает носом и отводит взгляд в сторону. Понимает, сейчас спорить со мной бесполезно.

- Держи! - в комнату залетает Леха с нашатырем. Он протягивает мне пузырек, смотрит на сестру. - Очнулась? - выдыхает. - Блин, Вась! Ну ты и пугать!

- Я не специально, - шепчет едва ли не плача.

- Ты чего ревешь? - Высоцкий удивленно смотрит на сестру. - Со Степкой же все в порядке.

Леха бросает в мою сторону вопросительный взгляд вынуждая меня объясниться.

- Степа вот-вот должен прийти в себя после наркоза, - поясняю для Василисы. - Сегодня он будет очень много спать и тебе не стоит беспокоиться о самочувствии малыша, - беру девушку за руку.

- Я могу посмотреть на него спящего, - шепчет, продолжая упрашивать.

Не нужно тебе его видеть сейчас… Ой, как не нужно…

Там за количеством проводов и подключенной аппаратуры практически не видно ребенка. Он даже сам пока не дышит! Рано Василису к сыну пускать.

- Твой сын под присмотром, - вмешивается в разговор Леха. Он, как и я, прекрасно понимает, что будет с его сестрой, если она увидит своего ребенка в подобном виде. - Не переживай.

- Угу, - обреченно кивает. - Легко сказать.

- Лис, поезжай домой, - говорю девушке, за что получаю полный ненависти взгляд в свою сторону.

Опять, блин, она за свое! Все же нормально было!

- Ты здесь ничем не поможешь, - продолжаю, игнорируя ее молчаливый выпад.

Единственное, чего добьешься своим присутствием в отделении брата, тем, что будешь меня отвлекать.

- Как только будут какие-то новости, мы тебе обязательно сообщим, - обещаю.

Проверяю время и понимаю, что я слишком долго здесь задержался. Как бы не хотелось остаться рядом с Высоцкой, мне уже пора идти.

- Лех, разберись с сестрой, - говорю другу, но закончить свою мысль не успеваю. У меня звонит телефон.

Достаю вибрирующий смартфон из кармана и хмурюсь. Беспокоят из отделения.

Просто так оттуда не позвонят.

- Мне нужно идти, - произношу, не сводя взгляда с экрана. Принимаю вызов и выхожу в коридор.

Глава 4. Василиса

- Дочь, иди спать, - на кухню заглядывает мама. - Поздно уже.

- Угу, - киваю на автомате. И продолжаю сидеть на месте.

У меня совершенно не осталось сил. Я вымотана и морально, и физически, а выходка Гриши окончательно выбила из колеи.

Это ж надо было напиться до невменяемого состояния, явиться в таком виде домой, забрать Степку у няни и отправиться с ним гулять!

Благо, няня тут же позвонила мне, а я Леше. Брат не смог приехать, он друга своего попросил.

Правда, к тому времени, как приехала помощь, мы с няней сумели забрать моего сыночка у Гриши. Больше на порог квартиры я его не пущу!

Благо, при содействии брата, моего нерадивого супруга удалось определить в хорошую клинику. Там его должны избавить от зависимости и после этого я сразу же смогу с ним развестись.

До выхода из клиники, боюсь, не решусь этого сделать. Потому что если Гриша об этом узнает после своего выхода оттуда, то он будет мстить.

Я его боюсь.

Мой супруг беспросветный пьяница. Он не гнушается

поднятием руки на женщин и детей, а еще крайне ревнив.

Когда трезвый, то он нормальный, а вот стоит выпить, так кошмар. Как жаль, что я этого всего до свадьбы не знала! А то ни за что б в жизни за него не вышла.

Вот до чего доводят знакомства через интернет. Я так стремилась забыть Хмельницкого, что слишком быстро согласилась выйти замуж.

Очень зря.

Теперь, вот, расхлебываю.

- Вась, ты только зря изводишь себя, - мама заходит на кухню и садится рядом со мной. - Все равно ты ничем не можешь помочь своему Степе, - сама того не осознавая, давит на больное. - А утром проснется Федя. Он очень скучает по маме и брату, - напоминает в очередной раз. - Вот кому ты будешь особенно сильно нужна.

- Мам, с Феденькой все в порядке! - вздыхаю тяжко.

Мне крайне нелегко сдерживать рвущиеся наружу слова и едкие фразы. Раздражение переходит в злость, та- в обреченность, а она, в свою очередь, разъедает меня изнутри.

Паршивое. Поганое чувство.

- Степка в реанимации по моей вине! - слезы подступают к глазам.

Я не могу справиться с бурей эмоций. Они оказываются сильнее меня.

- Это я! Я во всем виновата! - шепчу, глотая соленые слезы.

Мама смотрит на меня, в ее взгляде нет сочувствия, там осуждение и досада. Не в силах вынести это, прячу в ладонях лицо.

- Ты должна оставаться сильной, - говорит твердо. - Ради каждого из своих сыновей, - давит на меня.

Словно я по щелчку пальцев могу взять и забыть о том, что мой ребенок в больнице!

- Ты не понимаешь! - вспыхиваю. В груди разгорается пожар.

Как она вообще смеет меня упрекать в чем-то?

Я никогда ничего у нее не просила. Всего добивалась сама! Даже сыновей решила рожать и воспитывать в одиночку.

Но мама тогда настояла на совершенно другом. Убедила меня, что дети должны воспитываться в полной семье. У малышей должен быть отец.

Должен! И точка.

- Прекращай истерику! - продолжает настаивать на своем. В голосе появляются стальные нотки. - Слезами и угрызениями совести никому не поможешь, - упрямо не желает слышать меня.

Не понимаю… Куда делась та, которая читала мне сказки перед сном и обнимала, когда я приходила со школы? Что с ней случилось? Почему мама превратилась в черствый сухарь?

- Мам, я не понимаю, - отрываю ладони от лица и смотрю прямо в глаза суровой женщине. - Ты окончательно решила

меня добить? - задаю вполне логичный вопрос. - Или не видишь, что мне очень плохо и я не могу справиться с горем? - не останавливаясь спрашиваю у нее о наболевшем. - У меня сын в реанимации, мама! - напоминаю. Меня всю трясет. - Отчасти, по твоей вине!

- По моей? - ахает возмущенно. - Милочка, я тебя силком замуж за пьяницу не выдавала. Рожать детей не заставляла, - намеренно давит на мои слабые места. - Если уж твои дети не нужны тому, с кем ты их сделала, так почему они должны быть нужны другому мужику? - с претензией обращается ко мне.

- Он не знает, что мальчики от другого, - озвучиваю суровую правду. - Я всем сказала, будто они семимесячные родились.

Мама бросает на меня такой взгляд, что мне становится еще хуже. От кого, а от нее осуждение в свой адрес я не ожидала, надеялась, мама поддержит меня.

Видимо, зря.

- И он поверил? - спрашивает с издевкой. - Твой Гриша самый настоящий дурак!

Спасибо, знаю.

Но свои мысли озвучивать не собираюсь, слишком много чести. Если уж я от родной матери не получаю ни капли сочувствия, то что ж говорить про других?

- Успокаивайся, умывайся и иди в кровать, - говорит мать сквозь стиснутые зубы. - Утром договорим.

С этими словами она поднимается и выходит из кухни, а я продолжаю сидеть и смотреть перед собой в одну точку. Боль разрывает сердце на мелкие кусочки, справиться с эмоциями не могу.

Звук входящего сообщения выдергивает меня из самых печальных мыслей, какие только можно придумать. От неожиданности по телу проносится ледяная волна.

С замиранием сердца беру телефон, вижу отправителя и внутри все замирает. Саша…

Он сам мне написал!

“Степа сам задышал. Начались положительные сдвиги.”

Читаю и от волнения ничего не понимаю, в голове каша. Чтобы вникнуть в смысл мне требуется прочитать это сообщение несколько раз.

Понимаю. Судорожно вдыхаю. Задерживаю дыхание. Слезы облегчения начинают литься из глаз.

Мой сыночек начал сам дышать! Это прекрасно! Теперь точно все будет с ним хорошо!

“Большое спасибо за хорошие новости. Он в себя еще не пришел? Я могу приехать?”

Отправляю ответ и жду новое сообщение. Внутри все дрожит.

“Единственное, что ты можешь сделать, так это пойти спать, Василиса. Совсем скоро тебе потребуются силы. Если сейчас не отдохнешь, то их неоткуда будет взять.”

Мне даже не требуется видеть с каким выражением лицо

Саша печатал данное сообщение. Я и без того понимаю, что мужчина со всей серьезностью отчитывает меня.

Только он, в отличии от моей родной матери, прекрасно чувствует мое состояние и не давит. За что я крайне благодарна.

“Хорошо. Иду спать.”

Отправляю. Поднимаюсь с кухонного диванчика и отправляюсь в спальню.

Не доходя своей комнаты, останавливаюсь в паре шагов и меняю курс, иду в детскую. Забираю из кроватки спящего Феденьку, отношу к себе в кровать, ложусь рядом и вдыхаю родной и такой любимый запах своего сынишки. Сердце оттаивает.

На тумбочке вновь вибрирует телефон. Протягиваю руку и нахожу беспокоящий в ночи предмет, открываю новое сообщение от Хмельницкого.

“Спокойной ночи.”

- Сладких снов, Саш, - тихо шепчу. Поворачиваюсь на бок, обнимаю нашего сына и… засыпаю.

Глава 5. Саша Хмельницкий

- Сань, да иди ты уже, отдохни, - ко мне в очередной раз подходит Серега Карпов, сегодняшний дежурный реаниматолог.

Мы с ним уже не первый год работаем в одном отделе, за это время успели как поругаться, так и найти общий язык.

Сергей отличный специалист. В его квалификации и способностях я уверен на все сто, но даже при этом всем не могу оставить Степку на попечение Карпова. Слишком много случайностей может произойти, часть из которых способна закончиться фатально.

Поэтому несмотря на то, что должен отсыпаться после напряженных суток, я сейчас рядом с сыном Василисы. Уйти и оставить малыша одного не могу.

Степка еще слишком тяжелый и меня не покидает неприятное ощущение, которое так и зудит в центре груди. А врачу свою интуицию нужно слушать, как никому другому.

Что-то мне подсказывает, я еще понадоблюсь мальчику.

- Все в порядке, - произношу на автомате. - Не переживай. Не впервой.

- А то я не в курсе, - отвечает, ухмыляясь, Серега.

Он, как никто другой знает, насколько трепетно я отношусь к своим маленьким пациентам. Мне не раз приходилось оставаться на вторые сутки дежурства, это пошло у ме-

ня еще со времен, когда работал хирургом.

К сожалению, с операциями мне пришлось завязать.

- Ты давай, завязывай, - не отступает от своего. - У тебя скоро новая смена и если что, тебя никто не подстрахует.

Хочу отмахнуться, но понимаю, Карпов прав.

- Значит, нужно стабилизировать малыша и дать мне возможность спокойно восстановиться, - не отступаю от своего.

Сын Лисы для меня как родной. Я буду чувствовать себя настоящим предателем, если оставлю его одного.

Пусть даже и под присмотром Карпова.

- Хмельницкий, ты неисправим, - говорит с усмешкой.

- Горбатого могила исправит, - подтверждаю его слова.

Поднимаюсь с кушетки, на которой лежал. Благо, она пока пустует и я могу на ней хоть немного отдохнуть. Смена выдалась не простой, а ситуация со Степкой так вообще выбила из колеи.

- Пойдем, чайку попьем, - предлагает. - А то совсем зачахнешь.

- Погоди, - переключаю внимание на мониторы. Изучаю показатели, смотрю на динамику и понимаю, что состояние не становится хуже.

В данном случае, уже хорошо.

Проверяю выведенную стому. Содержимое отходит, перистальтика кишечника работает, а значит, можно немного расслабиться и выпить чайку.

- Пойдем, - соглашаюсь. - Степка все равно в ближайшие

часов пять не проснется.

- О чем я тебе и говорю, - не успокаивается Карпов. - После чая, отбой!

- Ох, Серег, зря ты это сказал, - качаю головой. - Не к добру.

- Да брось ты, - отмахивается. - Я не верю в приметы.

- Они не дураками изобретены, - отвечаю ему. - Еще, блин, спокойной ночи мне пожелай!

- Ан, нет! - ухмыляется. - В эту примету, пожалуй, я верю.

- Во-во! - важно заключаю. - Не стоит недооценивать их мощь.

Снова смотрю на Степку, тревога не покидает. Почему же мне кажется, вот-вот что-то произойдет?

- Ирочка, мы в ординаторской, - Серега предупреждает постовую сестру.

- Конечно, Сергей Борисович, - говорит девушка, бросая на Карпова томные взгляды. Но тот остается непоколебим.

Серега уже несколько лет, как женат. Но жена выпивает из него все соки, треплет нервы и не дает нормально работать. Что ни смена, то скандал.

Однажды дошло до того, что она собрала вещи, ребенка и без предупреждения уехала к маме. После сложнейшей смены, затянувшейся на двое суток из-за серьезной аварии в аквапарке, где пострадало очень много детей и счет на спасение каждого малыша шел чуть ли ни на секунды, Серега вернулся в пустой дом.

А Светка отключила телефон, бросила кота и даже не пыталась связаться с мужем. Свою мать подговорила, чтобы она разыскивающему ее Сергею наврала.

То в измене его обвинит, то в очередном заболевании ребенка…

В общем, “весело” там у них.

Посмотреть так на моих друзей и жениться не хочется. То у Михи проблема на проблеме со своей Элей, то у Лехи с Машей трындец.

Я до сих пор в шоке, что Высоцкий свою уже бывшую жену не посадил. А ведь мог! Просто в этом уверен.

Лехе достаточно было сделать один звонок Максу Майорову, брату Михи, и на Лизку моментально нашли бы управу. Вплоть до заключения под стражу.

Кто-кто, а Майоров без труда мог подобное устроить. С ним лучше не шутить.

- Сань, почему ты так трясешься над этим мальчишкой? - Карпов наконец задает интересующий его вопрос.

- Это сын сестры Высоцкого, - озвучиваю самый простой ответ.

- И что? - не успокаивается. - Ты прекрасно знаешь, что в мою смену ничего бы с ним не случилось.

- Не говори гоп, Серег, - предупреждаю. - Ты тоже не всесильный.

- Что есть, то есть, - печально вздыхает он.

Видимо, друг вспомнил о своем старом случае, когда не

смог спасти пациента.

К сожалению, такие моменты есть в практике почти у каждого врача и с этим ничего не поделать. Если заранее понимаешь, что не справишься с потерей пациента, то лучше в хирургию и уж тем более на анестезиолога реаниматолога не идти.

- Степку не оставлю, - заключаю. - Даже не пытайся уговорить.

- Свою смету-то выдержишь? - все подкалывает.

- А у меня выбор есть? - совершенно серьезно спрашиваю его в лоб.

Ухмылка с лица Карпова тут же сползает.

- Нет, - произносит без тени юмора. - Нету.

-Вот и не гунди, - усмехаясь, затыкаю его. - Слушай, а кто у нас из хирургов-то сегодня на смене? - ни с того, ни с сего уточняю у друга.

- Рузанова, - недовольно кривится он.

- Ох, ё, - заключаю протяжно. - Не повезло, так не повезло.

- Да капец! - кривится.

Работать вместе с Марьям в нашей клинике не любит никто. Она абсолютный бездарь! Криворукая, неаккуратная, с космическим самомнением и неуважением к пациентам.

К сожалению, уже несколько лет не получается ее отстранить от дел.

Я наливаю в кружки черный чай с бергамотом. Это был единственный вид чая, который остался в ординаторской,

нужно бы подкупить.

Серега достает из своих “скромных” запасов колбасу и сыр, приносит буханку черного.

- Живем, - радостно заключает друг.

- Да у тебя тут прям пир, - довольно осматриваю нарисовавшиеся из ниоткуда вкусняхи.

- А то, - ухмыляется.

Делаем бутерброды, начинаем чаевничать, как в ординаторскую резко распахивается дверь и влетает растрепанная Ирочка.

На девушке нет лица.

- Что случилось? - тут же спрашиваем у нее.

- Звонили из приемного, - округлив глаза произносит. - Массовое ДТП. Часть пострадавших везут сюда!

Глава 6. Саша Хмельницкий

- Твою мать! - единственная фраза, которая способна охарактеризовать то, что непременно случится. Это полный капец.

На дежурстве Рузанова. Не Майоров, не Высоцкий и даже не Игратов! А именно она.

Твою мать.

Твою мать!!

А-а-а!!!

Марьям не способна оперировать без предварительной подготовки, она совершенно и абсолютно непрофессиональна! Рузанова едва справляется, когда есть четкий план операции и всегда лажает, если хоть что-то идет не так. А здесь экстренные! Здесь времени думать нет ни секунды!

Мы пулей вылетаем из ординаторской, моментально забываем про усталость и сон. Нас ждет долгая и напряженная работа, а уж после всего отдохнем.

- Звони парням, - сухо произносит Сергей нажимая на кнопку лифта. С этой части здания проще спуститься вниз именно на нем.

- Они не смогут приехать, - озвучиваю суровую правду. - У них у каждого на личном завал.

Даже Аля не станет дергать парней, настолько у них все серьезно. А вот примчаться сама сможет, да и как минимум

Игнатова пришлет.

- Кирюха и Изольда Альбертовна максимум, на кого можем рассчитывать, - обрисовываю неприглядную картину.

- Аля не в городе, - добивает новостями Карпов. - Пока доберется, Рузанова уж половину народа погубит.

- Игнатов отписался, что тоже уехал, - читаю сообщение. Настроение падает все ниже.

- Хреново, - озабоченно произносит Серега.

- Да не то слово, - тяжко подмечаю я.

Если сейчас не произойдет чудо и не приедет кто-то из нормальных хирургов, то у попавших к нам пациентов и без того невысокие шансы, уменьшаются прямо на глазах.

Приезжает лифт, мы в тяжелом молчании заходим в него. Спускаемся.

- Я Ланскому позвоню, - решаю наконец, когда мы выходим.

Другого выхода все равно нет и помощи больше ждать неоткуда. А спокойно смотреть, как Марьям гробит людей, я не смогу.

- Дмитрию Владимировичу? - удивляется Карпов.

Он замедляет шаг, останавливается и разворачивается ко мне лицом.

- Ты и с ним знаком? - в шоке смотрит на меня.

- Мы начинали вместе, - поясняю спокойно.

- Охренеть! - кидает в мою сторону красноречивый взгляд и заворачивает в приемное. Там гомон и гвалт.

Я останавливаюсь перед входом в отделение, пишу старому другу сообщение с просьбой срочно приехать и только после этого выдвигаюсь вперед.

Переступаю порог и… все эмоции исчезают. Смотрю на открывающуюся передо мной картину с холодной головой.

Приемное забито людьми. Не протолкнуться!

Тех, кто может подождать, просят отойти в сторону, к сожалению, помощь им сейчас никто не сможет оказать. Игнорируя стоны и слезы, пытаюсь оценить обстановку. Вдруг взгляд цепляется за стоящего напротив пустующего сестринского поста сотрудника “Скорой”.

Рядом с мужчиной на каталке лежит ребенок, по внешнему виду которого сразу понятно - помощь очень сильно нужна. Направляюсь прямиком к нему.

- Что тут у вас? - спрашиваю, всматриваясь в пострадавшего.

- Мальчик. Пять лет. Тупая травма живота, - поясняет сотрудник “Скорой”.

Он протягивает мне планшет, я мельком пробегаю по тому, что было сделано в отношении ребенка.

- Обо что ударился? - спрашиваю у стоящего рядом со мной мужчины. Больше никого с мальчиком нет.

- О подлокотник, - говорит осудительно.

- Не был пристегнут? - уточняю. Ситуация ухудшается прямо на глазах.

- Да, - подтверждает мои опасения.

- Где родственники? - спрашиваю единственное, что меня сейчас волнует. Если моя догадка подтвердится, то у мальчишки шансы на выживание тают на глазах.

- Без понятия, - пожимает плечами. - Он был с водителем, тот без сознания. Тяжелый. Его в "девятую" повезли.

- Понял тебя, - все хуже и хуже. - Марьям! - громко кричу. Ответа, естественно, нет. - Мальчика забираю, - обращаюсь к ожидающему мужчине. - Готовь к операции, - передаю медсестре.

Времени нет. На рентген очередь колоссальная.

Смотрю на малыша, измеряю пульс и в очередной раз убеждаюсь, что прав.

- Серег, - хватаю Карпова за рукав. Он как раз мимо проходит.

- Что такое? - останавливается сразу же. Кидает на мальчонку мельком взгляд, и тут же принимается более внимательно изучать ребенка.

- Тупая травма живота, - делюсь имеющейся у меня информацией. - Пристегнут не был.

- Твою ж мать, - выдыхает обреченно. - Беру.

Медсестра увозит мальчугана.

- Я пока сам справлюсь, - отстраняю друга. - Иди, - киваю в сторону бегущей к нам медсестры. - Тебя.

- А это, - показывает на Рузанову. - К тебе.

- Да капец, - набираю в грудь чуть больше воздуха. - Марьям! - зову громко.

Наконец, она меня слышит и останавливается. Жестом подзываю девушку к себе.

- Хмельницкий, что орешь на все отделение? - шипит недовольно.

- У нас разрыв селезенки у пятилетнего ребенка, - обрисовываю картину. На все ее недовольства мне просто посрать. - Его готовят к операции. Ты сегодня дежурный хирург.

- И что? - пожимает плечами. - У меня здесь каждый второй экстренный! - показывает жестом на ожидающих людей. - Я не могу уйти из отделения.

- У ребенка разрыв селезенки, - давлю на нее. - Ты риски оцениваешь?

- Без тебя разберусь! - отмахивается. Хочет уйти.

Не позволяю ей сбежать, хватаю за локоть. И тащу за собой к лифтам.

- Отпустил меня! - шипит. Дергается. Пытается вырваться из моего захвата, но у нее ничего не выходит. - Я Але все расскажу!

- Да хоть самому Ленину! - зло ухмыляюсь. - Ты отправляешься со мной в операционную, - отрезаю жестко. - Прямо сейчас!

- Ты что о себе возомнил?! - кричит не скрывая эмоций. Начинает истерить, как только мы заходим в лифт. - Не стану я никого оперировать! Ты меня не заставишь!

- А кроме тебя некому! - рявкаю. - Либо ты оперируешь, либо мальчишка умрет!

Моя последняя фраза все же подействовала на Марьям. Она поднимает на меня широко распахнутые от страха глаза.

- Как ты смеешь ставить такие прогнозы? - шепчет, не сводя с меня растерянного взгляда. Она в шоке.

- Потому что знаю, с чем именно дело имею, - сухо отрезаю ей. - Мойся иди! - отправляю ее переодеваться и готовиться к операции. - Мне ребенка в наркоз осталось ввести и начинаем.

- У меня нет ассистента! - вспыхивает.

- Сегодня я - твой ассистент! - рявкаю на нее.

Не теряя ни единой секунды лишнего времени привожу себя в надлежащий вид, захожу в операционную. Внимательно изучаю то, что имеется по обследованиям и подбираю наркоз.

Глава 7. Саша Хмельницкий

- Ты оперируешь, я ассистирую, Сергей поддерживает наркоз, - поясняю зашедшей в операционную Рузановой.

Она окидывает меня таким взглядом, что любому другому, окажись он на моем месте, стало бы не по себе. Только вот на меня ее угрозы не действуют. Закаленный!

- Чего стоим? - обращаюсь к девушке с вызовом. - Пациент под наркозом.

- Хмельницкий, ты ассистируешь, - произносит с легким презрением, за которым она прячет свой страх. - Так вот и ассистируй! - подходит к столу, рявкает на медсестру, чтобы подала ей скальпель.

Рузановой подают требуемый инструмент.

Начинается операция.

Я внимательно слежу за каждым ее движением и не могу оставить некоторые действия без комментариев. Ругаю все, что только есть на свете, за то, что мне оперировать нельзя.

Ассистировать тоже нельзя, если честно. Но об этом всем я практически никому не говорил.

Входим в брюшную полость, видим объем повреждений и тут у меня с Рузановой начинается спор. Она, дурында, считает, что селезенку нужно ушивать.

Я категорически против! Не при таком объеме пораженной ткани. Кровопотеря слишком сильна и рисковать жиз-

нью ребенка я не намерен.

- Ты ассистируешь! - Марьям хлестко ставит меня на место. - Эта операция - моя!

- Ребята, поторопитесь, - подгоняет Карпов. - Время зря не теряйте, - просит. - Мальчишка стабилен. Но это только пока.

Только вот Марьям словно бы и не слышит его предупреждения, она упрямо пытается настоять на своем.

Мне приходится подчиниться.

- Долго еще? - спрашивает Серега. По напряженному голосу понимаю, скоро наступит трындец.

- Сколько потребуется! - Рузанова срывается и на него.

Она лишь на один миг поднимает глаза на Карпова, переключает внимание, но этого более, чем достаточно, чтобы навредить ребенку.

- Твою мать! - шипит. - Зажимай! - орет на меня.

- Мы его теряем, - Карпов подливает масла в огонь.

Обстановка в операционной становится слишком напряженной.

Монотонный звук монитора раздается тогда, когда впереди у Марьям еще крайне много работы. Если она продолжит в этом духе, то мы не спасем малыша.

- Отошли от стола! - рявкает Карпов чуть ли не расталкивая нас.

- Да пошли вы! - кидает в сердцах Рузанова, срывает халат и выбегает из операционной. Оставляя нас самих разгребать.

- Чем помочь? - включаюсь в процесс.

- Заканчивай операцию как можно быстрее! - рычит. Смотрит на монитор. - Завели. Пока стабилен.

- Александр Петрович? Что делаем? - на меня смотрят несколько пар глаз. - Как оперировать будете? Без ассистента?

- Лизонька, ты как? Выучилась на врача? - спрашиваю у самой старшей среди присутствующих медсестер.

- Д-да, - кивает нерешительно.

- На хирурга, надеюсь? - не отрываю от девушки серьезный взгляд.

- А как вы узнали? - ахает от удивления.

- Интуиция, - отвечаю немного расслабляясь. - Беги, мойся. Ассистировать будешь.

- Но я… - теряется. - Еще никогда…

- Времени нет, - отрезаю. - Спасти мальчугана хочешь?

Девушка без лишних слов передает свой участок работы другой медсестре, а сама со всех ног уносится мыться.

- Санек, тебя ж уволят за это, - Карпов качает головой. - Выдадут волчий билет.

- Похрен! - огрызаюсь. - Одному мне его не спасти. Лизка давно уже впахивает в операционной, выучилась. Вместе у нас будет шанс вытащить малыша.

- Тогда давай используем его на все двести! - заключает.

Вновь погружаемся в сложнейший процесс. Здесь каждое движение должно быть выверено до миллиметра, нельзя ни-

чего пропустить, но и медлить совсем неприемлемо.

Сложно.

Шаг за шагом иду вперед. Руки болят просто дико, но я стиснув зубы продолжаю операцию.

Знаю, сутки после этого мне будет тупо ни до чего. Я не смогу даже кружку с кофе поднять, но сейчас мне на это все пофиг.

Сейчас передо мной на операционном столе лежит маленький мальчик, который может лишиться жизни. И я обязан его спасти!

Я сделаю это!

Превозмогая боль произвожу удаление селезенки, ставлю дренаж, ушиваю слой за слоем, вяжу узлы крепко-крепко.

- Можно перевозить в реанимацию, - произношу накладывая последний шов. - С мальчиком все будет в порядке.

Последнее говорю по большей части уже себе.

Выхожу в коридор и опускаюсь на первое же подвернувшееся для сидения место. После проведенной операции у меня не осталось сил, я выжат и морально, и физически.

- Будешь? - Карпов достает из кармана халата и протягивает мне электронную сигарету.

- Нет, - отвечаю даже не смотря в ту сторону. - Не хочу.

- Ну как хочешь, - пожимает плечами и убирает обратно.

Молчим.

Мальчика увезли в реанимацию, за его состоянием там проследят. Сейчас будут выводить из наркоза и Карпов в

этом тоже будет участвовать.

Но не я.

Мне нужно немного времени прийти в себя. Руки болят так сильно, просто ужас какой-то.

- Что с Рузановой будешь делать? - интересуется друг.

- Гнать из хирургии поганой метлой, - отрезаю.

Я люто зол на Марьям. Слов таких нет, чтобы описать мое состояние!

Очень надеюсь, что в ее тупой голове хватит мозгов не показываться мне на глаза. Иначе я за себя не ручаюсь!

- Где он?! - из лифта выскакивает мужик. - Где мой сын?! - кричит, озираясь по сторонам. Замечает меня с Карповым, тут же направляется к нам. - Где мой ребенок?!

- Посторонним здесь находиться нельзя, - поясняю, преграждая мужику проход в сторону кабинетов. - Спускайтесь на лифте вниз.

- С дороги уйди! - требовательно кричит. - Я должен увидеть своего сына!

По горящему взгляду полному боли и отчаяния вдруг понимаю, чей именно это отец.

- Это ваш сын ехал с водителем? - говорю и как только произношу вслух понимаю, что сказал правду.

- Где он? - кидается ко мне с отчаянием.

- С ним все в порядке, - спешу успокоить разбушевавшегося отца. - Ваш мальчик прооперирован, его жизни на данный момент ничего не угрожает, - незаметно киваю Сереге

и увожу перепуганного отца обратно к лифтам. - К сожалению, нам пришлось удалить ему селезенку, но иного варианта спасти жизнь вашего сына не было.

- Жив, - с облегчением выдыхает. - Он живой!

- Не переживайте, - опять успокаиваю. - С вашим сыном все хорошо.

Смотрю на мужчину и мне становится не по себе. Вдруг я узнаю его лицо и понимаю, почему оно кажется мне таким знакомым.

- Валентин Юрьевич, - обращаюсь к мэру города, как положено по имени-отчеству. - Нужно, чтобы вы подписали некоторые бумаги.

- Без проблем! Все подпишу! Все сделаю! - обещает с жаром. - Вы мне ребенка спасли! Он мой единственный сын. Другого больше не будет.

Приезжает лифт, из него выскакивает медсестра.

- Александр Петрович! Вы очень нужны! - тащит меня в кабину. - Там ужас!

- Что еще? - спрашиваю едва стоя на ногах.

- Приемное полное, - сетует. - Без вас не справляемся.

- Иду, - нажимаю на кнопку первого этажа и кабина плавно опускается вниз.

- Спасибо!

Глава 8. Василиса

Утро начинается с проверки телефона.

Не успев толком открыть глаза, принимаюсь шарить рукой по прикроватной тумбочке, нахожу искомый предмет, снимаю блокировку и разочарованно вздыхаю. От Хмельницкого сообщений больше нет.

На душе сразу же становится тоскливо и грустно, ведь я так надеялась, что Саша напишет и скажет мне приезжать.

Но нет… Саша не написал. А это значит, со Степой ситуация остается без изменений. Малыш не пришел в себя.

Вздыхаю. Глушу рвущееся наружу отчаяние и заставляю себя верить в благополучный исход.

Мой сын в надежных руках. С ним обязательно все будет в порядке. Хмельницкий, хоть и сволочь, но он отменный врач и пока он рядом со Степкой, я могу быть спокойна.

Прижимаю к себе чуть крепче сладкий спящий комок. Я так и не смогла отнести Феденьку в его кроватку, мы проспали всю ночь вместе.

Я хоть и стараюсь лишний раз не будить Феденьку, но не трогать его не выходит, уж слишком огромна дыра внутри. Страх окольцовывает, паника душит и единственный, кто не позволяет мне скатиться в пучину безысходности и боли, это мой второй сын.

Касаюсь губами макушки сыночка, закрываю глаза. Вдруг

понимаю, что в уголках стоят слезы.

Мой маленький мальчик, мамочка будет с тобой. Пусть некоторое время меня ты видеть не сможешь, мы обязательно все наверстаем чуть позже. Обещаю!

Словно почувствовав мой душевный порыв, Феденька принимается ворочаться. Малыш перекладывается на живот, поднимает сладкую попку вверх и продолжает мирно посапывать.

Позволяю себе полюбоваться безмятежностью и детством, а затем осторожно, чтобы не нарушить чуткий детский сон, выбираюсь из кровати. Подтыкаю с двух сторон одеяло, чтобы Феденька не вывалился, накидываю халат и отправляюсь в ванную.

- Ну ты и спать, - первое, что слышу выйдя из комнаты. - Уже десять утра, а ты все дрыхнешь!

- Мам, - произношу устало. Спорить и ругаться с ней бесполезно, она до конца будет стоять на своем. - И тебе доброе утро, - бросаю мимоходом.

Заскакиваю на кухню, ставлю греться воду для кофе, сама же отправляюсь в ванную привести себя в порядок. В любую секунду может позвонить Хмельницкий с новостями про Степку и я должна быть готова немедленно выехать к сыну.

Но Саша все не звонит.

Просыпается Феденька, варю ему кашу и кормлю сынишку, отправляемся вместе гулять. Я то и дело проверяю те-

лефон, но на нем не оказывается ни единого пропущенного вызова.

Наступает полдень. Не выдерживаю и звоню брату.

- Вась, привет, - хмурый голос Леши отзывается тревогой в душе. - Ты просто так или по делу? - спрашивает по-деловому.

- По делу. Просто так, - признаюсь.

- У нас завал, - говорит брат. - Что такое? Говори быстро, - просит.

Я рада, что он меня не отправил куда подальше с моим звонком. А ведь мог. Потому что у Леши крайне ответственная и сложная работа.

- Ты не знаешь, как там Степа? - задаю наболевший вопрос. - От Хмельницкого нет новостей, а первой ему звонить не решаюсь.

- Правильно делаешь. Его пока лучше не беспокоить, - соглашается брат.

А у меня от его слов на душе становится еще тревожнее, чем было до этого.

Удивительно, как так вышло, что Леша не знает про наше с Сашей общее прошлое. Если б узнал, то обоим бы головы открутил. Я уверена в этом!

- Почему? - вырывается до того, как успеваю подумать. Прикусываю язык, но уже поздно. Брат все слышал.

- Ты новостей не читала? - удивляется.

- Нет, - растерянно произношу. - Не до них было.

- Ночью было крупное ДТП, - поясняет. - Мы до сих пор разгребаем последствия.

- Ой, - резко останавливаюсь. В меня кто-то тут же влетает со спины.

От неожиданности удара спирает дыхание и я на миг теряю ориентацию. Телефон падает из рук и приземляется прямиком на асфальт. Поднимаю аппарат и печально вздыхаю. Экран усыпан сотней мелких трещинок.

- Вась! - в динамике раздается встревоженный голос брата. - Ты здесь?

- Да, Леш, - торопливо прижимаю мобильный к уху. - Телефон упал.

- Со Степой все в порядке, - от хороших новостей снова на глаза наворачиваются слезы. - В понедельник планируем перевести его в палату, так что собирай вещи и готовься лечь.

- Хорошо, - поспешно киваю. - В понедельник буду в отделении с самого утра! - говорю с жаром.

- И еще, - добавляет строго. - Хмельницкого не напрягай, - предупреждает. - У него по работе завал.

- Леш, не переживай, - обещаю брату. - Не буду.

Мне вообще нужно избегать общения с ним. Потому что оно до добра ни его, ни меня не доведет.

- Вот и славно, - расслабляется Леша.

По голосу чувствую, что брат собирается завершить вызов, как в голове рождается важный вопрос. Ответ на который мне просто необходимо немедленно получить.

- Леш, стой! - прошу. Жду.

- Что такое? - отзывается. Ура! Я успела! Он не положил трубку.

- Скажи, а Гришу в клинику кто именно из твоих друзей отвозил? - задаю животрепещущий вопрос. Мне крайне нужно услышать ответ.

- Хмельницкий, - говорит спокойно.

Сердце сбивается с ритма, больно бьется в груди. Саша… Сам того не зная, он и здесь меня спас…

- Поняла, - выдыхаю. - Спасибо.

- Вась? - вопросительно говорит брат. - Все в порядке?

- Все просто отлично, - пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

Быстро сворачиваю разговор, отхожу в сторону от дороги, сажусь на лавочку и понимаю, что меня всю трясет. Значит, Саша не только Степке жизнь спас, но еще и мне.

Вздыхаю.

Хмельницкий, вот как так получается, а? Почему я упорно старалась тебя забыть, а сама от этого натворила массу ошибок и теперь их исправляешь ты. Снова.

Словно почувствовав мои мысли про Сашу, телефон вновь оживает. Смотрю на экран и на губах появляется печальная улыбка.

Хмельницкий.

Но не успеваю ответить на вызов, как экран потухает. Набираю Сашин номер сама, жду гудки, но вместе с ними совсем рядом раздается до боли знакомая мне мелодия.

Поворачиваю голову в сторону и глаза лезут на лоб. Рядом со мной на лавку садится… Хмельницкий!

- Привет, - улыбается уголками губ. Протягивает мне кружку кофе. - Будешь?

Глава 9. Василиса

- Спасибо, - благодарю Хмельницкого. Он, как всегда, угадал. Со всей суматохой, что была сегодня с утра, я так и не успела насладиться горячим напитком.

Мама зудела над ухом, что я неблагодарная дочь, Лешу крыла на чем свет стоит и собиралась отправиться к своей дражайшей подруге в гости. Мне даже не нужно особенно напрягаться, чтобы понять цель визита. Нам кости помыть.

Видимо, они загрязнились.

Не знаю, что такого ужасного произошло в мамином прошлом, раз она превратилась в черствый сухарь, но от ее сухости и предвзятости страдают все в семье.

Обидно.

- Карамельный капучино, - произносит Саша. - Как ты любишь, - протягивает напиток.

С осторожностью, словно в стаканчике может быть не кофе, а бомба замедленного действия, принимаю напиток. Касаюсь картонного стаканчика ладошкой и тут же становится тепло.

- Спасибо, Саш, - говорю нерешительно улыбаясь.

- Пожалуйста, - отвечает, пряча усмешку в уголках губ. Он не спешит убирать руку от стаканчика, дожидаясь, чтобы я взяла его более уверенно.

Даже в таких мелочах Хмельницкий продолжает забо-

титься обо мне. И видя его отношение, зная его самого, у меня в голове до сих пор не укладывается то сухое и сжатое сообщение, в котором Саша отправляет меня на аборт. А после присылает на него денег.

Случайно соприкасаемся пальцами и от этого прикосновения по моему телу пробегает волна кипятка. Отдергиваю руку, будто ошпарилась.

Подношу стаканчик к губам, делаю глоток и едва не стону от удовольствия. Как же вкусно!

Хмельницкий видит мое блаженство и опять едва заметно ухмыляется.

- Значит, ты Федя, - наклоняется к сынишке. Тот сидя в своей коляске играет с синим трактором, малыш увлечен.

- Федя, - киваю, подтверждая.

- Лис, почему ты не говорила, что Леха твой брат? - вдруг ни с того, ни с сего задает глупый вопрос.

- Я и подумать не могла, что вы знакомы, - пожимаю плечами.

- Почему? - не отстает.

- Саш, я не привыкла играть в шпионов и выяснять знакомства всех вокруг, -огрызаюсь.

Глупейший вопрос! Неужели нельзя понять, что в нынешнем мире, при всех технологиях, мы можем не знать круг общения друг друга.

- Я не все вокруг, Лиса, - предупредительно рычит.

- Не утрируй, - отмахиваюсь. - Я и подумать не могла, что

ты знаешь моего брата! А если б узнала о вашем знакомстве, то отправила тебя на все четыре стороны и к себе бы не подпустила!

- Ты и так это сделала, - заявляет, смотря мне прямо в глаза.

- Конечно-конечно! - фыркаю, отворачиваясь. - Ты заслужил все, о чем я тебе написала!

После его паршивейшего сообщения, я не сдержалась и написала все, что только думаю о подобных мужиках. Трусы! Безответственные! Жалкие трусы!

- Я надеялся, что после спасения Степки ты возьмешь свои слова назад, - щурится, не скрывая своего недовольства.

- Саш, давай договоримся, - резко разворачиваюсь и смотрю мужчине прямо в глаза. - О нашем прошлом просто забыли. Хорошо?

От негодования и злости меня всю трясет. Неужели можно быть таким гадким?

- Нет, - отвечает открыто.

Нет?!

Открываю и закрываю рот, хлопаю ресницами.

От шока я потеряла дар речи.

- Нет, Василиса, - произносит сурово. - У меня к тебе множество вопросов и один важнее другого.

Саша пристально смотрит на меня и его взгляд проникает в подкорку.

Я уже не так сильно уверена в своей правоте касаемо

Хмельницкого. Когда он рядом, то поверить не могу, что Саша такой. Что он оказался самым главным судаком моей жизни.

- На твои вопросы у меня нет ответов, - тихо шепчу.

- Уверена? - провокационно выгибает бровь, спрашивает с вызовом.

Молчу. Я не хочу говорить.

Все, что могу ответить на его выпад, Саша прекрасно знает без меня. Так почему же он ведет себя так нелогично?

Воздух вокруг нас начинает нагреваться, пространство сужается, мир полыхает. Если протяну руку чуть вперед, так, кажется, наткнусь на глухую ледяную стену.

- Кто настоящий отец твоих сыновей, Василиса? - взгляд проницательных серых глаз смотрит прямо в сердце.

Саша достает из кармана машинку, протягивает ее Феде. Малыш совершенно не опасаясь постороннего для себя человека принимает подарок и с интересом принимается его изучать.

- Так кто? - продолжает давить. Закусываю губы.

Рассказывать правду слишком страшно. Если он узнает об этом, то никогда меня не простит.

- Не важно, - отмахиваюсь. Внутри все дрожит.

Чтобы сохранить в тайне беременность мне пришлось всем наврать, что мальчики родились раньше срока. Леша тогда очень много работал и не заметил моей лжи, а мама так никому и не рассказала, что я замуж за Гришу выходила

будучи беременной от другого.

- Я знаю, что это не твой муж, - продолжает настаивать. Мурашки по коже бегут.

- С чего ты взял? - нервно усмехаюсь. Отмахиваюсь.

Хмельницкий не успокаивается. Он нависает надо мной и требует ответа.

- Кто? Говори! - требует.

- Мужчина, который отправил на аборт, когда узнал о моей беременности, - произношу гордо вздернув подбородок. Я до сих пор помню его смс…

И от тех слов никак не может затянуться рана на сердце.

- Кто это? - рычит, не скрывая своей ярости. - Я его уничтожу!

Не уничтожишь. Потому что это ты.

- Саш, не скажу, - отвечаю ему. - Можешь даже не пытаться. Выяснить правду не выйдет.

- Уверена? - задает вопрос со злой ухмылкой.

От этой самой ухмылки у меня холодок пробегает по позвоночнику, я забываю дышать.

Не стоило бросать Хмельницкому вызов…

Глава 10. Саша Хмельницкий

- Блин, ну похож ведь, - говорю сам с собой. - Похож!

Передо мной на столе лежит старенький фотоальбом, где на черно-белых фотографиях я запечатлен еще совсем крохой. Вот, я в коричневой шубке из искусственного меха ползу на горку, вот иду с портфелем в первый класс. Вот сижу на крыльце старенького деревенского дома, а передо мной корзина яблок.

Столько времени прошло, но я до сих пор помню их невероятный аромат и сочность. “Белый налив” вкус моего детства.

Среди множества старых фотографий выбираю ту, где по возрасту я больше всего подхожу к Степке и Феде. Выбор, конечно, не большой, но тем не менее, я нахожу парочку.

Беру фото, подношу к экрану смартфона. Сравниваю.

Одно лицо!

- И после этого ты будешь говорить, что это не мои дети? - ухмыляюсь.

- Саш, ты с кем говоришь? - из своей комнаты выглядывает Маришка.

- Ни с кем, - отмахиваюсь.

Но сестра не думает уходить, она так и стоит в дверях своей комнаты и с интересом за мной наблюдает.

- Как в универе? - спрашиваю, желая перевести тему. Не хочу рассказывать про сыновей, пока сам не буду в этом уверен.

- Нормально, - говорит таким тоном, что без труда становится понятно, все как раз наоборот.

Убираю фото на столик перед собой, поверх карточек кладу телефон. Смотрю на свою сестренку.

- А если честно? - не свожу с девушки внимательный взгляд.

И чем дольше смотрю, тем сильнее понимаю. У нее что-то случилось.

- Все плохо, - печально вздыхает. Стоит понурив голову.

Я жду, когда она поделится своими проблемами, но сестра не желает продолжать разговор. Делает шаг назад и хочет опять закрыться в комнате.

- Марина, - произношу с нажимом. Она понимает, что я требую ответа и еще сильнее зажимается.

Реакция сестры мне совершенно не нравится. В голову мысли закрадываются одна хлеще другой.

- Ты мне расскажешь, что случилось? Или гадать? - спрашиваю, стараясь держать себя в руках. Хоть это выходит не очень.

Я безумно устал и контролировать тон, с которым говорю, уже не представляется возможным. Все мои эмоции налицо.

- Меня не берут в общагу, - Марина произносит с обидой и печально поджимает губы.

- Нашла из-за чего расстраиваться, - расслабляюсь. А то я напридумал уже себе такое… Мама не горюй! - Будешь у меня жить. Ничего страшного.

- Ездить от тебя каждое утро до универа слишком далеко, - продолжает расстраиваться. - Мне придется выезжать за час с небольшим до пар.

- И что? - теперь приходит моя очередь удивляться.

- Я не привыкла к такому бешеному ритму жизни, Саш, - произносит печально. - Дома все было совсем не так.

- Это было дома, - сменяю гнев на милость. Раздражение уходит, его как рукой снимает.

Маришка еще совсем ребенок, пусть ей и восемнадцать лет. Она выросла в небольшом, спокойном городке, а шум и суета большого города для нее дикость.

- Пришли мне имя ответственного за распределение общежития. Я постараюсь помочь, - обещаю сестре. Она счастливо улыбается и кидается ко мне на шею.

- Спасибо! - благодарит от всей души.

- Пока не за что, - смеясь отвечаю.

На душе сразу становится легче и светлей, словно кто-то взял и раскрыл темные шторы в комнате, пропуская свет. Марина и Василиса, вот две девушки, которые всегда умеют подобрать ко мне правильный подход.

Только на них двоих отзывается мое сердце.

- Есть за что! - не отступает сестра. - Если бы не ты, я так и сидела у себя в городе. Родители б не отпустили меня сюда.

- Ничего, - похлопываю ее по руке. - Они просто очень переживают за тебя. Привыкнут.

- Надеюсь, - вздыхает. - Я скучаю по ним, - признается чуть тише.

- На зимние каникулы поедешь, - обещаю. - Скоро начнется учебный год и у тебя время быстро полетит. Оглянуться не успеешь.

- Ага, - кивает. Уже улыбается и это не может не радовать. - Осталось дождаться сентября.

- Обязательно дождешься, - обращаюсь к сестре, а сам опять внимательно смотрю на фотографии.

- Ой, а кто это? - Маришка подается вперед. - Как похож на тебя, - берет мой телефон в руки, поворачивает экраном к себе и принимается сравнивать.

- Похож? - уточняю с замиранием сердца.

- Очень! - кивает. - Прям как две капли воды! - снова смотрит на экран. - Саш, а это кто? - переводит внимание с фотографии Феденьки, что я сделал этим утром, на меня.

- Мой сын, - произношу пожимая плечами. - По всей видимости.

- Твой сын? - ахает. Смотрит на меня полными шока глазами. - У тебя есть ребенок? И ты молчал?!

- Марин, угомонись, - остужаю сестринский пыл. - Там все сложно.

- Да плевать, как там! - вспыхивает. - У меня есть племянник и ты не говоришь!

- Двое, - поправляю ее. Своими словами окончательно ввергаю девушку в шок.

- Двое? - брови сестры подлетают вверх, она смотрит на меня полным удивления взглядом.

- Два мальчика. Степа и Федя, - делюсь с ней. - Но прежде, чем заявлять об этом официально, мне нужно самому во всем разобраться.

- И как ты планируешь это делать? - сестренка присаживается рядом со мной на диван. Берет одну за другой фото, подносит к экрану и сравнивает. - Саш, как же похож… Тут даже сомневаться не стоит! Твой это сын! - заверяет.

- Я должен получить результат экспертизы, - упрямо стою на своем. - Без него никто ничем помочь мне не сможет.

- А мать? Мать у малышей есть? - разворачивается и смотрит на меня. - Где она? Что с ней?

- Степа у меня в больнице, ему сделали операцию и послезавтра малыша переведут в палату, - все-таки решаюсь рассказать сестре правду. - Его мама, Василиса, пока с другим сыном. С Федей. Но скоро ей придется ложиться в больницу.

- А кто будет с Федей? - сестра задает очень важный вопрос. Смотрю на нее и меня осеняет.

- Кажется, я знаю, кто это будет, - губы расползаются в улыбке. - Скажи, ты ведь отлично ладишь с детьми?

- Да, - кивает не понимая к чему я клоню. - Мама всегда меня просила посидеть с мелкими.

- Подзаработать не хочешь? - лукаво улыбаюсь.

- Саш, я тебе и так помогу! Не нужно мне никаких денег! - заверяет.

- Погоди, ты меня не поняла, - останавливаю сестру. А то сейчас как начнет возмущаться. - Никто не должен знать, что ты моя сестра.

- Это как? - ахает. Хлопает пушистыми ресницами и не понимает.

- А вот так, - довольный своей задумкой улыбаюсь. - Я тебя представлю матери своих сыновей, как девушку, которая ищет подработку и предложу тебя в качестве няни для Феди.

- И? - хмурится.

- Будешь в течение дня заниматься с ребенком, - поясняю.

Лиса минимум на неделю ляжет в стационар, раньше все равно выписать их со Степкой не сможем.

Пока она научится ухаживать за стомой, пока приноровится вырезать и приклеивать калоприемники, пока примет вообще этот факт.

Для осознания того, что твоему ребенку некоторое время придется прожить с выведенной на брюшную стенку кишкой требуется не один день. Василисе придется не сладко.

Я буду рядом с ней максимально много, сколько смогу. Но и этого окажется недостаточно, ведь сердце все равно будет разрываться между сыновьями.

А если учесть, что Феденьке придется все это время находиться с бабушкой…

Ну уж нет! Я не допущу того, чтобы Высоцкая испоганила

детство моего сына! Пусть даже неделю. Нифига!

А Марина мне в этом поможет.

- Сможешь с племянником поближе познакомиться, а также подзаработать, - смотрю на сестру. - Ну так что? Согласна?

Глава 11. Василиса

- Мам, я не могу разорваться, - чуть ли не плача обращаюсь к матери. - С Федей могу оставить только тебя, больше некого, - в очередной раз пытаюсь до нее достучаться. - Степка в больнице. Один! - с трудом сдерживаю слезы. Сердце в клочья. - Я нужна ему там….

- А здесь ты нужна Феде, - отрезает сурово. - Степа твой под присмотром врачей, а тебе нечего лишний раз в больницу мотаться. Там куча заразы! Еще притащишь чего, - фыркает.

- Мама! - вспыхиваю. Я просто в шоке. - Это реанимация! Какая там может быть зараза?

Так и хочется спросить в своем ли она уме. Вот честно!

- Степа годовалый малыш! Ему плохо! Он в реанимации! - пытаюсь достучаться до нее. Но судя по всему, бесполезно.

Разворачиваюсь к Феде, подхватываю его на руки и иду в коридор. Раз мать не желает смотреть за малышом, то я поеду в больницу вместе с ним. Других вариантов просто не вижу.

От негодования, досады и злости меня всю трясет. Как так можно погано относиться к своим детям?

То Лешу пытается помирить с Лизкой, хоть та неоднократно вытирала ноги о брата и не сделала для него ничего хорошего. То теперь активно вставляет палки в колеса,

участвуя в моей жизни.

Наседает, чтобы я помирилась с Гришей. Мол, дети должны расти в полной семье.

Она не желает слышать никакого другого мнения помимо своего собственного.

- Ты куда? - идет следом за мной.

- В больницу! - рявкаю. Сдерживать эмоции уже не могу, они оказываются сильнее моего самоконтроля.

- Федю оставь, - говорит.

Резко разворачиваюсь и смотрю на нее возмущенно. Приличных слов больше нет.

- Ты ж не хотела быть с ним, - не скрываю своего недовольства. Пусть видит!

Блин, как же меня трясет. Нервы расшатались, собрать себя в кучу не могу.

- Я еду в больницу к сыну, мам, - отрезаю. - Бросить все и сорваться к тебе не смогу, - специально предупреждаю. Чтобы потом не обвиняла меня во всех смертных грехах, как она любит. - Так что ты либо остаешься с Феденькой до поздней ночи, либо он едет со мной!

Мать хочет что-то сказать, но в этот момент раздается звонок в дверь.

- Ты ждешь кого-то? - тут же напрягаюсь.

У меня такое воинственное настроение, что я готова рвать и метать. Если это Лизка или ее мать явились без приглашения, то им не поздоровится. Уж точно!

- Нет, никого, - растерянно произносит мама.

Странно…

Открываю дверь и от неожиданности делаю шаг назад. Теряю дар речи.

- Ты что здесь делаешь? - во все глаза смотрю на Хмельницкого.

Он явился ко мне не один. С какой-то девушкой.

- Привет, - спокойно здоровается. Словно не слышал претензии в моем голосе. - Я к тебе помощницу привел, - слегка приобнимает пришедшую с ним.

- Помощницу? - скрещиваю руки на груди, смотрю на Сашу щурясь. - А кто сказал, что она мне нужна? - спрашиваю с вызовом.

- Лис, - устало вздыхает. - Прошу, не начинай, - произносит по-прежнему совершенно не поддаваясь на мои гневные выпады.

Хмельницкий остается спокойным, словно удав. От него исходит только сила и мощь, без злости и агрессии.

Сама не замечаю, как бушующая в груди ярость затухает.

- Марина сможет тебе помочь и посидит с Федей, - продолжает уверенным голосом. - Ты сможешь спокойно находиться в больнице, а твоей матери не придется круглосуточно сидеть с ребенком.

Сам того не осознавая, Хмельницкий нажимает на самые больные точки и продолжает давить на них.

Змей-искуситель!

- Меня зовут Марина, - девушка с нежностью смотрит на Федю. - Дай пять, - обращается к малышу. Тот без страха ступает вперед и протягивает ей свою раскрытую ладошку.

Смотрю на сынишку и с удивлением понимаю, что он без труда пошел к Марине. Не испугался, не стал прятаться за меня, не заплакал, как то обычно бывает.

Девушка вытаскивает из кармана маленькую яркую машинку и протягивает ее Феде. Малыш берет и принимается внимательно изучать новую игрушку.

- Вы все Хмельницкие таким странным образом влияете на детей? - не скрываю своего изумления.

- Не все, - мягко улыбается Саша. - Только лучшие из нас, - подмигивает играющей с Феденькой девушке.

В груди неприятно зудит. Вдруг понимаю, что я ревную Сашу к этой девушке!

Ого, как… После всего, что между нами произошло, у меня еще остались к Хмельницкому чувства?

Слабачка я. Самая настоящая!

Не знаю почему, но мне кажется, Саша и Марина похожи друг на друга. А это значит, либо Марина сестра, про которую я никогда раньше не слышала, либо они уже не первый год живут вместе.

Первый вариант из области фантастики, а второй… Уж больно мне не хочется, чтобы он оказался верным.

- Ну так что? - Хмельницкий не останавливается и продолжает давить. - На няню в виде Марины согласна?

- Саш, - произношу растерянно. - Я не знаю, - не решаюсь ответить правду.

Мне няня сейчас очень нужна. Просто жизненно необходима! Но мне ей нечем платить… Все деньги, что есть расписаны чуть ли не до копейки.

- Расходы беру на себя, - он опять словно читает мои мысли.

Саша бросает в сторону девушки предупреждающий взгляд. Она молча кивает. Мне от этого становится еще сильнее не по себе.

- Вася, - произносит с нажимом мать. Оборачиваюсь. - Меня Люба ждет. Мы с ней договорились погулять в парке.

- Зря, - Хмельницкий смотрит прямо на мою мать. - Скоро испортится погода. Прислали штормовое предупреждение.

- Как? Когда? - ахает. Принимается суетиться. - Васька, почему ты не сказала об этом? Хочешь угробить мать?!

- Я хочу попасть к своему больному сыну, - терпеливо произношу. - Ты что творишь? - шепотом обращаясь к Саше.

Он ведь врет, по глазам вижу! Они насмехаются.

Не было никакого штормового предупреждения. Напротив, сегодня должна быть жара.

Но разве Хмельницкого когда-либо интересовало чужое мнение?

- Тебя спасаю, - так же тихо отвечает мне.

Закатываю глаза. Он неисправим!

- Няню берешь? - снова интересуется. - Смотри, как Ма-

рина поладила с нашим сыном.

- Саша! - вспыхиваю. От его слов меня всю трясет.

Делаю шаг вперед, тычу пальцем в широкую грудь мужчины.

- Моим, - шиплю, не пряча свою злость.

- А вот это мы совсем скоро проверим, - ухмыляется. И от этой ухмылки мороз по коже бежит.

Если Хмельницкий узнает правду, то никогда меня не простит… Он ведь не просто так настаивал на аборте.

- Хорошо, - обреченно выдыхаю. - Я согласна на няню.

Все равно ведь не отстанет от меня. Придется соглашаться.

- Вот и отлично, - заметно расслабляется он. - Слышал, ты к Степе собиралась? - смотрит мне прямо в глаза, а его взгляд тем самым прожигает дырку в груди.

- Правильно слышал, - подтверждаю.

- Мариш, ты тут справишься? - уточняет у девушки.

- Да, - та выглядывает из комнаты. - Не переживай! Мы с Федей отлично подружимся к вашему приезду!

- Будут вопросы, звони! - говорит ей. Переводит внимание на меня. - Собирайся. У тебя есть три минуты. Жду в машине.

Глава 12. Саша Хмельницкий

- Веди себя тихо, - предупреждаю Василису при входе в реанимацию. - Вход сюда разрешен только для персонала и поэтому постарайся не привлекать к себе излишнего внимания.

- Хорошо, - с готовностью кивает. В глазах столько надежды, что щемит в груди.

Я не боюсь, что ее могут заметить. Если кто мне решит что-то сказать на этот счет, то живо заткну и больше человек рта в мою сторону открыть не посмеет.

Но предупредить Василису нужно, ведь не известно какая у нее будет реакция при виде сына.

- Сейчас Степа спит, - продолжаю объяснять то, что она увидит. - Он находится под препаратами и не нужно его тормошить.

- Хорошо, - все так же быстро соглашается. - Я не буду мешать. Обещаю.

- Знаю. Идем, - беру девушку за руку. Она не вырывается и покорно следует за мной.

Мы проходим по длинному прямому коридору вдоль пустующих боксов. Их никак не отремонтируют и поэтому пациентов приходится держать в другой половине реанимационного блока.

Василиса с опаской озирается по сторонам и старается

держаться ближе ко мне, словно ищет защиту. От осознания этого в груди становится тесно.

Хочу обнять ее, прижать к себе и заверить, что никогда не обижу.

Только вот пока этого делать нельзя.

- Привет, девушки, - здороваюсь с сидящими на посту медсестрами.

Они поднимают на меня глаза, узнают и тут же принимаются прятать разложенные на столе каталоги то ли косметики, то ли одежды.

- Александр Петрович? - ахает, старательно запихивая журнал в верхний ящик тумбочки.

- Он самый, - произношу жестко.

Стоящие рядом с постовой медсестрой быстро ретировались, как только меня увидели. У одной замечаю в руках одноразовые стаканчики, у другой нечто похожее на бутылку вина.

- Стоять! - рявкаю. Девушки тут же врастают ногами в пол. - Возвращайтесь. Я вас не покусаю, - обещаю медсестрам.

То, что я сделаю, будет гораздо хуже. Потому что я очень зол.

Наклоняюсь вперед, открываю ящик, в который так и не влезли проклятые каталоги, достаю их и кидаю перед перепуганной девушкой на стол. Она опять пытается их спрятать, но я не позволяю.

- Верните то, что забрали, - приказываю другим медсест-

рам.

Они переминаются с ноги на ногу, но идти ко мне не спешат.

- Живо! - рявкаю еще раз. Я не собираюсь скрывать свое раздражение.

Это ж нужно было додуматься! Совсем охренели! Слов нет!

Девушки видят мой гневный взгляд и застывают. Медленно возвращаются к столу понурив головы.

- Пожалуйста, не надо, - просит чуть ли не плача та, что должна находиться на посту. - Я больше так не буду, - клятвенно заверяет.

- Мы тоже, - поддакивают другие.

Бесят меня!

- Не будете что? Подвергать опасности жизни пациентов? - уточняю не скрывая свой гнев.

Поочередно смотрю на каждую из них, перевожу внимание на бутылку вина и пластиковые стаканчики. Поднимаю стеклянную тару, подношу к свету и понимаю, что половины уже нет.

Охрененно.

- О, да! - заверяю со злостью. Как же мне каждой из них хочется по шее-то надавать. - Не будете, это точно! Я об этом позабочусь. Лично!

Беру свой смартфон, делаю пару снимков и отправляю старшей медсестре.

Пусть наведет порядок среди своего персонала! У меня их безалаберное и халатное отношение к работе уже в печенках сидит.

Как можно было додуматься до распития вина на рабочем месте в, зараза, рабочее время?! Когда, блин, от скорости твоей реакции жизни зависят!

У меня просто нет приличных слов.

Уволить каждую их них! Выгнать тут же!

- Пожалуйста, - принимаются хныкать. - Нас же уволят.

- Это будет лучшим решением, - отрезаю. - Радуйтесь, если не подпадете под статью!

Резко разворачиваюсь, беру ошарашенную Лису под локоть и увожу прочь от завравшихся и охреневших медсестер.

- И часто у вас тут такое? - оглядываясь на причитающих девушек уточняет она.

- Честно? - бросаю на нее суровый взгляд. Никак не могу совладать со своей злостью. - Подобное в первый раз.

Лиса смотрит на меня чуть дольше, чем позволяют правила приличия, затем подается вперед и прижимается к моей груди. Я застываю в полнейшем шоке.

- Ты все сделал правильно, - говорит, смотря мне прямо в глаза.

- Только вот теперь смена осталась без медсестер, - констатирую факт. - Этих до пациентов я не допущу, пока не протрезвеют.

- Я могу тебе чем-то помочь? - своим вопросом оконча-

тельно выбивает почву у меня из-под ног. - Как понимаю, домой пока ты не вернешься.

- Не вернусь, Лис, - устало вздыхаю. - Я должен убедиться, что с пациентами все в порядке.

- Понимаю, - улыбается нежно. - Слушай, а где дежурный врач? - озирается по сторонам.

- Надеюсь, он на операции, - произношу единственное, что может спасти от разбирательства моего коллегу. Потому что если он где-то прохлаждается, то служебной проверки ему не избежать.

Пусть я буду выглядеть полнейшей сволочью и негодяем в глазах нерадивых сотрудников, мне на это плевать. Главное, жизнь и здоровье вверенных нам пациентов.

На остальное просто посрать!

- Пойдем, отведу тебя к Степке, - приобнимая за талию веду Лису к сыну.

Сначала сделаю то, для чего я приехал. С остальным буду разбираться чуть позже.

- Помни, что я тебе сказал при входе в отделение, - обращаюсь к девушке. - Степа спит. Его не будить.

- Угу, - кивает.

- Почти пришли, - говорю.

Лиса озирается по сторонам и видит сына, кровь тут же отливает у нее от лица.

- Степа, - выдыхает и бросается к малышу.

Глава 13. Василиса

Мне кажется, нет ничего ужаснее и страшнее, чем видеть своего ребенка лежащего на койке в реанимации и увитого с головы до ног всевозможными трубочками, проводками и шлангами. Когда он сам едва дышит и каждый его вдох контролируется. Когда вокруг тьма врачей и медсестер, готовых броситься к нему и бороться за жизнь маленького человечка.

Степка подключен к такому количеству аппаратов, что мне становится дурно. Даже в самом страшном сне не могло присниться подобное.

Мой маленький… Сыночек мой… Родненький…

- С ним точно все хорошо? - обращаюсь с наиглупейшим вопросом к Саше.

Разве того, у кого все хорошо, держат в реанимации? Нет, конечно!

Но не спросить я не могу. Меня разрывают на части отчаяние и паника. Они так и норовят утащить на самое дно, спрятать от меня даже самые слабые лучики надежды на спасение.

- Со Степой все в порядке, - заверяет полным уверенности голосом.

Понимаю, что безоговорочно ему верю.

Хмельницкий словно чувствует мое состояние и приобнимает. А я крепче прижимаюсь к его груди, ища поддержку.

Не представляю, как бы держалась, если б не он.

Саша обхватывает меня двумя руками, успокаивающе гладит по спине. Каждое его прикосновение отзывается разрядом тока по коже, мгновенно переключая меня на совершенно иные эмоции. Дышать сразу становится легче.

Мне удается прогнать прочь ненужные мысли. Я снова могу нормально дышать.

Саша держит меня в объятиях некоторое время, затем отстраняется и пристально смотрит в глаза. В его взгляде столько силы и уверенности, что я моментально успокаиваюсь.

- Лис, я не позволю, чтобы с ним случилось хоть что-то плохое, - заверяет с жаром.

От надрыва в его голосе у меня внутри разрывается все. Мне нечем становится дышать.

Но я не могу отвести в сторону взгляд.

- Я знаю, - шепчу, не скрывая эмоций. Они бушуют и их не унять.

- Смотри, - подводит к сыну, показывает на стоящий рядом с кроватью громоздкий аппарат. К нему ведет куча трубок, а от него выходит одна и она подключена к Степке. - Здесь, - показывает на кучу пакетиков и бутылочек. - Висят врачебные назначения, а здесь, - ведет рукой вдоль проводков и задерживает ее на планке с кучей разноцветных винтиков. - Лекарства смешиваются и поступают в кровоток.

Я с интересом рассматриваю стоящую перед собой махи-

ну. Она мне уже не кажется ни страшной, ни опасной.

Напротив, мне становится интересен принцип ее работы.

- Благодаря этому аппарату мы можем быть уверенными в правильном дозировании поступающих медикаментов, - слушаю Сашу и гигантская штуковина становится для меня еще интереснее. - А здесь, - показывает на монитор. - Мы видим давление, сатурацию и пульс, - тоже немного выдыхаю.

Чем больше Хмельницкий рассказывает о подключенной аппаратуре и чем больше объясняет, тем мне становится понятнее и спокойнее. Как никогда четко понимаю, Степа в надежных руках.

- Спасибо, Саш, - от чистого сердца благодарю мужчину. - Не представляю, что бы делала без тебя.

- Вот и не представляй, - произносит с ухмылкой. Бросает на меня красноречивый взгляд и тут же отворачивается в сторону. - Будь здесь, рядом с сыном. Я немного поработаю и вернусь.

- Хорошо, - киваю, хоть он этого и не видит. - Если понадобится моя помощь, то обращайся. Чем смогу, как говорится.

- Спасибо, Лис, - отвечает не глядя и уходит в сторону кабинетов.

Я недолго смотрю мужчине вслед, а затем возвращаю внимание к сыну. Он по-прежнему крепко спит.

- Маленький мой, - выдыхаю, с трудом сдерживая подступающие к глазам слезы. - Как же я так не уследила, - вновь

принимаюсь корить себя.

Если бы я послушала свое сердце и не связалась с Гришей… Если бы я сразу рассталась с ним, как только он проявил агрессию по отношению ко мне… Если бы, если бы, если бы…

Сердце разрывается на части от боли. Даже подумать не могла, что способна выдержать столько ее.

На меня навалилось много проблем и я едва успеваю разгрести половину из них. Кажется, нет ни конца ни края.

Но ради своих сыновей буду держаться! Не позволю напастям себя сломать!

- Степочка, - вновь обращаюсь к сынишке. - Ты скоро поправишься. У тебя все будет хорошо, - обещаю. - Мамочка и папочка обязательно тебе помогут, родной. Ты только держись, ладно?

Глажу спящего малыша по личику. Аккуратно, чтобы не задеть торчащие отовсюду трубки, провожу пальчиками по щечке, по лбу. Перебираю пока еще редкие волосики. Скоро Степка подрастет и они у него станут гораздо гуще. Почему-то я просто уверена, что этим он будет в отца.

Беру маленькую ручку, считаю пальчики. Глажу и целую каждый из них. В груди полыхает пожар.

Эмоции переполняют, душат. Справиться с ними не представляется возможным, как ни старайся. Но я даже не пытаюсь больше бороться. Все равно смысла нет.

Пусть горит все синим пламенем, я как-нибудь перетерп-

лю. Лишь бы у Степочки все было в порядке! Это сейчас главное.

Вдруг на соседней кровати со Степой начинает пищать. Смотрю на приборы и вижу, что один из них мигает красным светом.

Тут же спохватываюсь, поднимаюсь на ноги и что есть мочи спешу в сторону кабинетов, куда ушел Хмельницкий.

- Саша! Саша! - громко кричу. Тревога и страх за ребенка, пусть и чужого, переполняют.

Дергаю ручку первого кабинета, но он оказывается запертым. Второй, третий - тоже. Не оставляя попыток продолжаю искать. Сбиваюсь со счета какую дверь дергаю и вдруг она открывается.

- Там пищит! - показываю рукой в сторону блока, откуда пришла. Не пряча испуга смотрю на выскочившего из кабинета Хмельницкого.

- Степка? - уточняет бросаясь вперед.

- Нет, - отвечаю. - На кровати справа.

Саша уносится с такой скоростью, что я не успеваю за ним. А когда добираюсь до пациентов, то уже все стихло.

- Что это было? - подхожу к Хмельницкому. Он проверяет бутыльки и проводки.

- Медсестра забыла открыть клапан и поэтому прибор забил тревогу, - объясняет. Но мне все равно ничего не понятно.

- Все в порядке? - спрашиваю единственное, что для меня

важно.

- Да, - кивает. Прижимает меня к себе, целует в макушку. - Но ты все равно молодец, - смотрит в глаза и совершенно серьезно произносит. - Спасибо!

Глава 14. Саша Хмельницкий

- Степан Семенович! - окликаю дежурного реаниматолога. Тот оборачивается и вопросительно смотрит на меня. - Вы видели, что творится у вас в отделении? - с ходу наезжаю на него.

Я крайне зол и не скрываю этого. Сегодняшний день, похоже, меня решил окончательно добить.

- Что именно, Александр Петрович? - дежурный врач уточняет совершенно спокойно.

Внимательно слежу за его реакцией и понимаю, что Соколов не в курсе происходящего.

Немного выдыхаю.

Коллега выглядит изможденным и уставшим. Словно провел в операционной не менее шести часов.

Степан Семенович заслуженный врач нашей больницы. Он отменный специалист с колоссальным опытом, многие из моих коллег начинали ординаторами при нем.

- У вас там медсестры вино распивают, - озвучиваю недавнее происшествие. Промолчать о подобном просто не могу.

Взгляд Соколова становится крайне тяжелым и грозным. Значит, я был прав и он не знал.

- Кто? - спрашивает хмурясь. От гнева в его голосе даже мне становится не по себе.

Называю ему имена виновниц, он еще сильнее суровеет.

- Старшая медсестра в курсе. Новая смена уже в пути, - довожу до сведения Соколова до того, как он начнет поднимать кипишь.

Степан Семенович может и не такое. Если его разозлить, то только щепки лететь будут.

- Спасибо, Саш, - благодарит сухо. Соколов не скрывает, что ему совершенно не нравится то, что произошло. - Через сколько должна подъехать новая смена? - уточняет у меня.

- В течение получаса, - отвечаю посмотрев на часы.

- Ты сможешь задержаться до их прибытия? - задает наболевший вопрос.

Я оставаться не планировал, ведь прекрасно понимаю, что Лисе уже давно пора домой. Но и бросить Соколова одного на все отделение тоже не могу. Ведь, как назло, все непредвиденное и сложное случается тогда, когда ты ждешь этого меньше всего.

- Конечно, задержусь, - отвечаю коллеге. - Дети не виноваты, что медсестры устроили себе праздник на рабочем месте.

- Спасибо, - благодарит от души.

Мы обмениваемся еще парой общих фраз. Я обещаю быть на связи и не уезжать до прибытия новой бригады медсестер, а Соколов заверяет, что по пустякам меня не станет дергать.

Оставив коллегу в кабинете, спешу к своим. Василису нахожу сидящей рядом с кроваткой нашего сына.

Практически бесшумно подхожу к Высоцкой, останавливаюсь буквально в паре шагов перед ней и наблюдаю.

Стою, слушаю, как она рассказывает старую сказку про птицу, воскрешающуюся из пепла и пытаюсь запомнить каждое движение, каждую интонацию. Ее рассказ словно бальзам для моего израненного и измученного сердца.

- Саша? - оборачиваясь вопросительно смотрит на меня. - Тебе не говорили, что подслушивать нехорошо? - пытается скрыть бравоту за смущением.

- Не-а, - кручу в разные стороны головой. Не могу отвести от Василисы глаз, она что-то сделала со мной. Я не хочу ни на секунду от нее отрываться. - Ты как, Лис? - спрашиваю, а у самого голос сел. Легкая хрипотца выдает бушующие в груди эмоции.

- Как мама ребенка, которая впервые увидела его без сознания, - признается она. Печально опускает глаза. - Нормально, Саш, - добавляет чуть тише. - Справлюсь и с этим.

Мне так хочется сказать, что не нужно в одиночку ничего решать. Что она не одна! Я рядом.

Но не говорю. Рано еще. Василиса только-только начала передо мной вновь открываться.

Я не хочу ее спугнуть, не хочу промять и сломать. Мне она сильной и цельной нужна! Лиса - самая главная женщина в моей жизни.

- Я с тобой, - произношу, присаживаясь рядом с девушкой. - Ты не одна. Я рядом. Всегда! - голос с надрывом. - Обещаю.

Она покорно опускает голову мне на плечо и печально

вздыхает. На меня обрушиваются чувства, они словно лавина сминают все под собой, справиться с ними не получается.

В груди вдруг становится тесно.

- Спасибо, - шепчет еле слышно.

Некоторое время сидим и молчим. Оба смотрим на нашего сына, думаем о своем и не желаем нарушать тишину.

Абстрагируясь от душевных терзаний “включаю” врача и принимаюсь изучать показатели на мониторе.

Степке становится лучше и скоро его можно будет перевести в палату, там Лисе придется с ним не легко, но я и так максимально много времени продержал малыша в реанимации. Оставлять его здесь еще дольше становится опасно уже для него самого.

Ну нафиг!

- Лиса, - все-таки прерываю затянувшееся молчание. - Я должен тебе кое-что показать, - обращаюсь к девушке совершенно серьезно.

- Что? - отстраняясь чуть в сторону смотрит на меня. Во взгляде волнение, но его причина понятна.

- Во время операции у Степки возникли некоторые осложнения, - начинаю издалека. Я не представляю ее реакцию, когда она узнает правду.

- Какие? - в страхе округляет глаза.

- Александр Петрович, - раздается за моей спиной. Прерываю разговор с Лисой и оборачиваюсь.

- Слушаю вас, Степан Семенович, - перевожу внимание

на Соколова. - Что-то случилось?

- Смена приехала, - говорит мне. - Вы можете быть свободны. Благодарю за помощь.

Ждем друг другу руки, Соколов еще раз меня благодарит и уходит. Возвращаюсь к своим.

- Поехали, - обращаюсь к ожидающей меня Лисе. - Новая смена на месте, за Степкой присмотрят. Все будет хорошо.

- Думаешь? - печалится девушка.

- Знаю, - подмигиваю пытаясь разрядить обстановку.

Лиса аккуратно целует Степку, поправляет на нем одеяло и отходит. Краем уха слышу, как она шмыгает носом.

Вновь получаю в сердце укол. Вновь начинаю корить себя за молчание.

Ну не могу я рассказать ей. Не могу!

Не сейчас…

Обязательно введу Высоцкую в курс дела, но сделаю это чуточку позже.

Выходим из отделения, спускаемся на первый этаж. Выходим из здания и резко останавливаемся на крыльце.

На улице стеной льет ливень.

- Ой, - Лиса жмется ко мне. Ее кожа тут же покрылась мурашками.

- Замерзла? - спрашиваю внимательно осматривая ее.

- Да, - виновато поджав губы кивает.

Нахожу взглядом свою тачку, прикидываю расстояние до нее и прихожу к неутешительному выводу - мы промокнем.

- Стой здесь и жди меня, - говорю Василисе, выходя под дождь.

- Ты куда? - она вновь начинает за меня волноваться.

- Скоро вернусь, - кидаю ей и, ускоряя шаг, спешу к машине.

Снимаю блокировку с дверей, прыгаю за руль, завожу двигатель и, подождав ровно тридцать секунд, трогаюсь с места.

- Залезай, - перекрикивая шум дождя, приоткрываю дверь. Лиса тут же забирается в сухой и теплый салон авто.

- Спасибо, - улыбается мило.

- Пристегивайся, - напоминаю. - Помчим с ветерком, - обещаю ей, трогаясь с места.

- Саша, нет! - вскидывает руки вперед. - Пожалуйста, не надо! - а у самой в глазах дикий восторг.

О, да, детка! Я знал, что ты скучала по моему вождению.

Выезжаю на трассу, без труда вклиниваюсь в автомобильный поток и начинаю маневрировать из ряда в ряд под громкие звуки клаксона недовольных водителей.

- Саша! - на одном из поворотов Лиса громко визжит и закрывает ладошками лицо.

- У меня все под контролем, не переживай, - успокаиваю девушку, спешу к ее дому.

На телефоне несколько пропущенных от Марины, но ответить сестре я не успеваю. Понимаю, что просто так сестра мне не позвонит, но набрать ей не могу.

На телефоне отключен блютуз, а лишний раз отвлекать-

ся от дороги опасно. Лужи, ямы и водители крутом. Одно неловкое движение и мы застрянем надолго.

Без происшествий довожу Лису до дома. Жду, когда она зайдет в подъезд и только после этого набираю сестре.

- Саша! Наконец-то ты мне позвонил! - голос Марины полон эмоций. Причем, не самых радужных.

- Что случилось? - спрашиваю у нее. По позвоночнику пробегает холодок, нехорошее предчувствие затопляет.

- Федя, - начинает, но я вдруг слышу гудки. Отнимаю телефон от уха и вижу, что на второй линии Василиса.

- Перезвоню, - кидаю сестре и тут же завершаю вызов. - Лис, что такое?

- Саш! Феди нет! - в голосе Лисы слышится паника.

- Как нет? - хмурюсь. Перегибаюсь и смотрю на окна ее квартиры. - Где же он тогда? Может с твоей матерью? - уточняю на всякий случай.

Марина не вернуть малыша не могла, в сестре я уверен на все триста процентов.

- Нет! Она сидит на кухне и пьет чай, ей плевать, - всхлипывает. - Я всю квартиру обошла, но его нет! Нигде! Мама сказала, что Марина Федю не возвращала.

- Быть этого не может, - рычу.

- Хмельницкий! - шипит разъяренной кошкой. - Где. Мой. Сын?!!

Глава 15. Саша Хмельницкий

Набираю сестру, но ее телефон недоступен. Набираю еще раз, но и на этот результата нет.

- Да, блин! - ударяю кулаком по рулю.

В голову закрадываются самые нехорошие мысли, одна хуже другой.

Самая ужасная, если Марину и Феденьку забрал Гриша. Я уверен, этот ублюдок еще попортит нам жизнь.

- Саша! Феди нет, - в машину возвращается Лиса. На этот раз она уже в куртке, глаза полны страха. - Мама говорит, что Марина не приходила, - всхлипывает.

Я только сильнее сжимаю руль в руках.

- Мы их найдем, - цежу сквозь сжатые зубы. - Обязательно!

- Я не могу его потерять, - Василиса шепчет сквозь слезы. - Феденька, где же ты, мой сынок?

- С ним Марина, - пытаюсь убедить то ли себя, то ли Высоцкую. - Моя сестра никогда бы одного малыша не оставила.

- Так это твоя сестра? - ахает удивленно.

- Да, - сдержанно киваю, выезжая из двора.

- Ни за что бы не подумала, - произносит еле слышно.

Снова набираю Марину. Абонент до сих пор не в зоне действия сети.

- Мы их найдем! - заверяю сидящую рядом с собой девушку, вливаясь в автомобильный поток.

- Я даже не знаю, где их искать, - всхлипывает. - Ни единого предположения.

- Начнем с квартиры, - произношу, а сам тем временем разрабатываю в голове несколько планов.

Меня не оставляет надежда, что сестра с Федей пришли к нам домой и по какой-то причине не смогли выйти. Всякое бывает, ведь так? Марина у меня та еще искательница приключений на пятую точку.

Если же их там не окажется, то буду звонить Майорову. У Михи брат отлично разбирается в обеспечении безопасности и уж кто-кто, а он сможет отследить по камерам куда делись моя сестра и мой ребенок.

- А если их там нет? - Лиса бросает в мою сторону полный боли взгляд. - Что, если квартира окажется пустой?

Свободной рукой беру ее за руку, подбадривая сжимаю чуть крепче.

- Все будет хорошо, - обещаю. - Я достану Федю!

Лиса не отвечает.

Снова набираю сестру, снова натыкаюсь на автоответчик и понимаю, что начинаю психовать. Если так и дальше продолжится, то я разнесу нахрен весь город!

На нервах слишком резко беру вправо и подрезаю едущее по полосе авто, водитель едва успевает уйти от столкнове-

ния.

- Придурок! - летит в открытое окно.

Игнорирую выпад и мчу дальше. До моего дома ближе пешком, чем на машине.

В голове неустанно крутится одна неприятная мысль. Мне бы не хотелось проверять ее при Василисе, но выбора нет.

- Лис, - зову сидящую рядом девушку. Она не двигается и молчит. - Василиса, - произношу чуть громче.

- А? - отвисает.

- Найди у меня в телефонной книге номер Артура Артамонова, - прошу, снимая блокировку и протягивая ей смартфон. Обстановка на дороге напряженная и мне лучше не отвлекаться.

- Сейчас, - тут же принимается выполнять просьбу. - Нашла! - отзывается довольно быстро.

- Набирай, - говорю.

Лиса нажимает на кнопку вызова и в ту же минуту на весь автомобильный салон раздаются длинные гудки.

- Артамонов. Слушаю, - в динамиках раздается сухой и сдержанный голос Артура.

- Здорово! - приветствую товарища. - Это Хмельницкий.

- Санек! - в тоне друга тут же появляются совершенно иные нотки. - Наконец-то ты перезвонил!

- В смысле? - тут же напрягаюсь. - У меня от тебя нет пропущенных.

- Да у тебя телефон недоступен уже часа три! - оконча-

тельно меня добивает.

- Да ладно? - удивленно протягиваю. Так вот почему Марина была возмущена моим звонком.

- Да складно, блин! - отвечает с недоброй усмешкой. - Твой Григорий сбежал.

- Как? - ахает сидящая рядом Лиса. Бросает на меня полный ужаса взгляд.

- Давно? - спрашиваю суровея. Подобного я не ожидал.

- Его отсутствие обнаружили три часа назад, - говорит. - Он не явился на процедуры.

- А как долго не было в палате, ты, естественно, не в курсе? - хмурюсь. Обстановка накаляется с каждой секундой.

- Я еще не успел по камерам посмотреть, - признается.

- Так посмотри! - рявкаю. Снова резко перестраиваюсь. Снова сзади сигналят.

Пошли нахрен!

Мне нельзя терять ни минуты! Я должен свою сестру и своего сына спасти!

- Саша! - Лиса визжит при очередном жестком перестроении. Прячет в ладонях лицо.

- Лиса, угомонись! - рявкаю на нее. Нервы не выдерживают. - Смотри камеры и дозвонись до меня. Обязательно дозвонись! - обращаюсь к другу.

- Телефон перезагрузи, - говорит спокойно. - Перезвоню. Жди.

Каким-то чудом избежав столкновения с попутными ав-

то, мы добираемся до моего дома. Паркуюсь прямо напротив подъезда, выскакиваю на улицу, Лиса бежит прямо за мной.

Не дожидаясь пока спустится лифт, поднимаемся по лестнице на нужный этаж и я начинаю долбить и звонить в дверь. Сердце так же сильно стучит в груди, не поддается успокоению и здравому смыслу.

Достаю ключи, вставляю в замок, поворачиваю, открываю дверь и…

- Саша! - заплаканная Марина кидается ко мне на шею. - Ну наконец!

- Где Федя? - спрашиваю у сестры.

Меня колотит, а Василиса вообще потеряла дар речи. Она жмется ко мне и молчит.

- У него поднялась температура, мы попытались вернуться домой, но там никто не открывал, - принимается тараторить.

- Где мой сын?! - Василиса не пряча гнева надвигается на мою сестру.

- Он спит, - выдает Марина. - Я его водой обтерла и спать положила, - показывает в сторону своей спальни. - Пожалуйста, потише, - просит чуть ли не плача. - Не разбудите его. Он только уснул.

Глава 16. Василиса

- Держи, - передо мной на стол опускается кружка чая с мятой.

- Спасибо, - благодарю на автомате. Глубоко вдыхаю успокаивающий аромат и прикрываю глаза.

Меня трясет всю, я никак не могу успокоиться и хоть немного согреться. Ужас окольцевал своими липкими противными щупальцами и не желает отпускать.

- Лис, с ним все хорошо, - рядом присаживается Хмельницкий и приобнимает меня.

Кладу Саше голову на плечо, льну к нему, впитываю исходящее от мужчины тепло и силу, пытаюсь прийти в себя.

- Угу, - шепчу, по-прежнему не открывая глаз.

Молчим. Квартира погружена в тишину и для меня это важно. Я не хочу ни о чем говорить.

Хмельницкий приобнимает меня, прижимает чуть крепче к себе, а я наслаждаюсь его близостью и царящим вокруг нас покоем.

Как хорошо, что Саша вновь появился в моей жизни. Как хорошо, что сегодня пришла на помощь его сестра. Я не могу представить, как бы вывезла все навалившееся в одиночку.

- Мамы не было дома, - первой нарушаю тишину. Мне кажется, я должна рассказать правду. - Она вернулась как раз перед нашим приездом.

- Проехали, Лис, - отмахивается быстро. - Федя и ты остаетесь здесь, - говорит тихо, но жестко. Четко дает понять, что тема для обсуждения закрыта.

- Саш, - пытаюсь отстраниться и посмотреть мужчине в глаза, но он не позволяет этого. Крепко держит в объятиях и не желает отпускать. - Не получится.

- Я не спрашивал получится или нет, Лис, - произносит совершенно серьезно. - Вы будете жить у меня. Точка!

Пыхчу недовольно, но все же молчу. Спорить с Сашей сейчас бесполезно.

Хмельницкий уперт и упрям. Хуже, чем мой брат! И когда он такой, то пытаться его переубедить себе дороже.

- Хорошо, - соглашаюсь скрепя сердце.

Как бы мне не хотелось, разумом я понимаю, что он прав. Возвращаться домой мне с Феденькой просто опасно.

Гриша сбежал из клиники и теперь находится на свободе. Он обозленный, непредсказуемый и жаждущий отомстить. Если уж мой муж не брезговал поднятием руки на меня в моменты пьянства, то что ж говорить сейчас.

Страшно представить, что может случиться.

- Маму не хочу там оставлять, - признаюсь.

- Ей будет полезно, - отрезает Хмельницкий.

- В смысле? - разворачиваюсь и смотрю мужчине прямо в глаза. Мой взгляд пылает праведным гневом.

Мама, она и в Африке мама. Пусть не идеальная, пуст черствая, но она у меня одна. Другой нет и никогда не будет.

- Лис, ты слишком добрая и не видишь, что она всего лишь использует тебя, - Саша с ходу бьет по самому больному. - Ей не нужны ни ты, ни твои дети. Она приехала не к тебе, - продолжает меня уничтожать. - Неужели ты сама до сих пор этого не поняла?

Больно…

- Одно дело думать, а другое дело - признавать, - отзываюсь через некоторое время.

Меня никто никогда не любил. Только братья и все. Остальным всегда на меня было пофиг.

Я привыкла, что мама так паршиво поступает с каждым из нас. Другой ее никто из нас троих уже и не вспомнит.

Обозленная. Уставшая. Тянущая на себе кучу проблем. Вечно одна. Наверное, именно тогда она потеряла свое сострадание и свое сердце.

- Понимаешь, - продолжаю болезненную для себя тему. - Кроме нее и сыновей у меня никого нет. Рассчитывать больше не на кого, Саш.

Хмельницкий не отрываясь смотрит мне в глаза и от его взгляда мурашки пробегают по коже.

- Ты не права, - говорит нежно, касаясь моего лица. - У тебя есть я. Есть братья. Ты не одна и не смей больше так думать.

- Ты? - горько ухмыляюсь. - Ты отправил меня на аборт, когда узнал про беременность! - вспыхиваю от его слов. - Думаешь, после этого я тебе смогу доверять?

- В смысле отправил на аборт? - спрашивает ошарашенно. Саша в полнейшем шоке.

По его состоянию четко видно, что он впервые слышит про беременность. Но я ведь не дура и прекрасно помню свой шок от полученной смс.

- Саш, не прикидывайся, - отстраняюсь от него. Между нами снова накаляется обстановка. - Я тебе прислала сообщение со снимком УЗИ и написала, что у нас с тобой будет двойня! А ты меня просто послал! Сказал идти на аборт и денег прислал на карточку с непонятного номера.

- Лис, я впервые слышу об этом! - Хмельницкий обескуражен. - Ты что?! - смотрит на меня не скрывая своего состояния. - Я любил тебя! А ты просто взяла и исчезла с радаров.

- Ага, - отмахиваюсь от него. - И сообщение ты не посылал, - говорю едко, поднимаюсь из-за стола. В центре груди жжет, мне нестерпимо горько.

Хочу убраться отсюда как можно дальше и никогда Хмельницкого не встречать. Душа снова горит, слезы льются из глаз и я никак не могу с этим справиться.

- Саша, за дуру меня не принимай, - прошу. - Ты мне прислал сообщение, а потом деньги. У меня все сохранено. Выкрутиться не получится.

- Я. Ничего. Не. Посылал! - жестко чеканит каждое слово.

- Ну конечно, - цежу со злостью выходя из-за стола.

Быстрой походкой иду в коридор, достаю телефон и нахожу в облаке сохраненные скриншоты. Возвращаюсь на кух-

ню, но не успеваю дойти до нее, как сталкиваюсь в дверях с Сашей.

- Вот! - сую ему прямо под нос телефон. - Смотри! - мой взгляд пылает праведным гневом.

Разозленный Хмельницкий берет телефон, всматривается в экран и окончательно суровеет.

- Это не я, Лис, - говорит. Голос полон боли. - Поверь. Я б никогда такого тебе не послал.

- Ага, - едко цежу. - Ты б сказал это лично!

Саша берет меня за плечи, заставляет посмотреть ему прямо в глаза. Между нами бушует настоящая буря.

- Я никогда не отказывался ни от тебя, ни от наших сыновей, - произносит, пытаясь вдолбить мне в голову каждое слово.

-Если не ты, то кто тогда это сделал, Саш? - спрашиваю недобро щурясь. Я по-прежнему не верю мужчине.

- А вот в этом мы обязательно разберемся, - говорит. И прижимает меня в своей широкой груди, где яростно бьется благородное сердце.

Глава 17. Василиса

Дорога до дома занимает гораздо меньше времени, чем я предполагала. Еще не успело стемнеть, как мы уже практически приехали к дому.

- Саша, ты пропустил поворот, - спохватываюсь с сожалением, наблюдая как мы проезжаем мимо нужного ответвления дороги. - Твой дом в другой стороне.

Бросаю на Хмельницкого вопросительный взгляд, но его лицо остается беспристрастным. Он спокойно едет дальше и даже не пытается перестроиться для разворота.

- Знаю, - говорит, не поведя бровью. - Нам нужно заехать в одно место.

- В какое? - интересуюсь. Мне совершенно не нравится, что он только сейчас решает меня посвятить в курс дела.

- Увидишь, - отвечает с ухмылкой. Его поведение начинает меня напрягать.

После последних событий в моей жизни я окончательно разлюбила сюрпризы. К сожалению, хороших сюрпризов для меня не было, а вот плохих… Не сосчитать.

Гриша часто любил устроить для меня “перезагрузку”. И каждый раз я потом долго приходила в себя.

Поэтому я теперь категорически не переношу, когда от меня что-то скрывают. Потому что уверена, ничего хорошего для себя не получу.

- Саша! - вспыхиваю. Завожусь тут же. - Куда мы едем? - всматриваюсь в дорогу пытаясь разгадать план. - Мне нужно знать! - требовательно обращаюсь к мужчине.

Но разве Хмельницкого волнует чужое мнение или страхи? Нет, конечно! Он всегда делает только то, что нужно ему.

- Угомонись, - произносит строго. - Лучше меня сейчас не заводи, - предупреждает, не отрывая внимательного взгляда от дороги.

- А то, что? - горько ухмыляюсь. - Высадишь меня прямо здесь?

- Не неси ерунды, - говорит раздраженно. Бросает в мою сторону предупреждающий взгляд и качает головой. - Никуда я тебя не высажу, - добавляет чуть позже. Выдыхаю.

Как говорится, спасибо и на этом. Но вот только куда ты нас везешь, Саш?

Ничего не говорю больше, отворачиваюсь к окну и молча смотрю на мелькающий за стеклом городской пейзаж. Там сменяются один за другим старинные здания, парк, храм, спальный район. Стеклянные высотки стоят вперемешку с обычными многоэтажками, чуть дальше снова идут старые деревянные дома.

Контраст во всей своей красоте.

Хмельницкий продолжает уверенно управлять авто, я осторожно за ним наблюдаю. Дыхание перехватывает каждый раз, когда он чуть повернется в мою сторону. Голова кругом.

Рядом с Сашей мне очень сложно справиться со своими эмоциями и чувствами. Так было всегда.

Когда мы с ним только познакомились, то он произвел на меня неизгладимое впечатление. Его сила, его уверенность, его мужество… Саша кардинально отличается от всех мужчин, с кем я была знакома ранее. И он так сильно напоминает отца…

Я даже подумать не могла, что Саша и Леша могут быть знакомы! Не говоря уже про то, что они друзья…

Мало ли в городе больниц, клиник и медицинских центров? Нет, конечно! Их тьма!

- Не переживай, не съем я тебя, - первым тишину нарушает Хмельницкий. - Мы почти приехали.

- Угу, - киваю на автомате, не отворачиваю голову от окна.

Вот сквер, в котором я любила гулять, пока мальчишки были совсем маленькими. Вот речка, где мы в хорошую погоду кормим уток, а вот парк, где прячемся от жары.

Там, чуть дальше и направо, будет излюбленная Степой и Федей игровая площадка, а если пройти немного глубже, то наткнешься на то самое место, куда Гриша Степу увел...

Смотрю на знакомый до боли пейзаж и начинаю хмуриться.

Ерунда какая-то. Зачем он привез нас сюда?

- Саша, что тебе понадобилось в этом районе? - задаю вопрос, а у самой голос не слушается. Он дрожит.

- Не нам, а тебе, - многозначительно произносит. От темб-

ра его голоса у меня слабость пробегает по всему телу, превращаюсь в желе.

В присутствии Хмельницкого я словно оголенный провод, который может коротнуть в любой момент и что с этим всем делать просто не представляю. Все попытки взять себя в руки оказываются тщетными, не помогает ничего.

Саша, Саша… Что ж ты со мной делаешь? Почему снова появился в моей жизни?

Как выдержать и не сломаться, когда ты снова исчезнешь из нее?

Из головы не выходят слова Хмельницкого и его шок, когда я рассказала про сообщение. Он был так удивлен… Так искренне говорил и заверял, будто ничего не знал про мою беременность и про мальчишек. Что деньги на карту прислал тоже не он.

Ох, как же хочется ему поверить! Как хочется!

И так страшно…

Потому что если это действительно правда, если сообщение и деньги Саша не отправлял, то я совершила самую чудовищную ошибку в своей жизни. Я лишила себя счастья, а своих детей отца.

- Приехали, - произносит, останавливаясь напротив моего подъезда.

- Зачем ты меня сюда привез? - в шоке смотрю на него.

С содроганием в сердце жду ответ и не спешу выходить из машины. В голове крутятся мысли, одна страшнее другой.

Будто он хочет забрать наших мальчишек, а меня отвезти к матери. Или приехал, чтобы Грише отдать, ведь мой муж по-любому находится рядом.

А если он в квартире? Если он причинил вред моей матери?

По спине пробегает холодок.

Ужасные! Паршивые мысли! Гоню их прочь.

Хмельницкий не стал бы так делать. Саша благородный и порядочный человек, он не опустится до глупых интриг и откровенной подставы.

- У вас с Федей ничего нет, - произносит спокойно. - Завтра Степу переведут в палату и тогда тебе понадобятся вещи и для него. Где будешь брать?

Хмельницкий смотрит мне прямо в глаза, а я едва успеваю следить за своим дыханием. В голове каша. А на сердце… Там полный атас.

- Нигде, - шепчу с прискорбием понимая правоту его слов. - Ты сходишь со мной? - с надеждой обращаюсь к мужчине.

- Конечно, схожу, - успокаивает своим ответом меня.

Глава 18. Саша Хмельницкий

Выходя из машины я уже чувствую, что что-то не так. Интуиция еще никогда меня не подводила, поэтому и на этот раз я не намерен отмахиваться от нее.

Внимательно осматриваю двор, открывать дверь для Лисы не тороплюсь.

Что-то не то… Только вот, блин, что именно?

Осматриваю двор, парковку, крыльцо, там царят тишина и спокойствие.

- Прошу, - обращаясь к Василисе открываю дверь. Она выходит из теплого салона авто и тут же хмурится.

- Холодно, - обхватывает себя руками.

- Идем, - тяну девушку скорее в подъезд. Там должно быть хоть немного теплее.

Ставлю машину на сигнализацию уже с крыльца, только после того, как Высоцкая вошла в здание.

Поднимаемся на лифте на нужный этаж, выходим на лестничную клетку. Ничего не предвещает беды, а я все равно остаюсь напряженным.

Лиса вставляет ключ в замочную скважину, поворачивает его, но тот не поворачивается.

- Заперто изнутри, - констатирует факт. - Мама дома.

- Да я уж понял, - отвечаю ей спокойным голосом, а про себя думаю: точно ли там ее мать? Или сбежавший из кли-

ники хозяин квартиры?

Я уверен, Гриша не упустит своего шанса пробраться в квартиру. Ведь гаденыш не знает, что здесь нет ни Лисы, ни мальчишек, а он зол и жаждет мести.

Высоцкая нажимает на дверной замок, со стороны квартиры разливается приятная мелодия. Но ни голоса Натальи Степановны, ни ее шагов не слышно.

- Отойди, - отодвигаю Лису от двери и прячу за своей спиной. - Мне не нравится тишина в квартире.

- Мама, наверное, спит, - подает голос она.

- Пусть будет так, - и не иначе. Потому что в противном случае Гриша отправится не в отменную клинику по лечению зависимости, а в самую настоящую камеру.

Уж что-что, а это ему я устрою! Благо, у меня есть отличные связи для реализации своего плана.

Несколько раз ударяю кулаком по металлическому полотну. Грохот, который я издаю, просто невозможно не услышать.

- Кто там? - с той стороны двери раздается напряженный женский голос.

- Мам, это мы, - Высоцкая протискивается между мной и входом в квартиру.

Вот же неугомонная! Сказал, не высовываться, а она…

По жопе мало, видимо, шлепали! Самое время исправить.

Но вместо классического выяснения отношений мои мысли резко сворачивают не туда. Разбушевавшаяся фантазия

живо подкидывает красочные картины, идеи рождаются одна горячее другой. Мне приходится зажмуриться, чтобы не выдать течение своих мыслей.

- Открывай! - Василиса продолжает настаивать. Говорит с матерью так, будто квартира ее.

- Наталья Степановна, мы вам не причиним вреда. Открывайте, - подключаюсь. Кажется, я понимаю причину ее странного поведения и мне она не нравится от слова совсем.

Пространство вокруг вновь погружается в тишину, нарушаемой лишь нашим с Лисой частым дыханием. Я чувствую тепло ее тела и, уверен, она чувствует исходящий от меня жар.

Не подпалить бы…

Как же меня кроет, когда она рядом. Это просто какой-то писец!

Наконец, дверь перед нами распахивается и мы с Лисой, не теряя драгоценного времени, заходим в квартиру.

- Приходил? - спрашиваю у Натальи Степановны в лоб. Она немного тушуется, но все же кивает. - Давно? - задаю следующий вопрос.

- Он несколько раз приходил, - отвечает то и дело косясь в сторону двери.

- Не переживайте, я ее запер на засов, - спешу успокоить женщину.

Она и так, бедная, перенервничала по-полной. Если учесть ее хронические заболевания и повышенный стресс,

то мало приятного может получиться.

Присматриваюсь к женщине, к ее внешнему виду и в голове словно щелкает.

-Вы давление измеряли давно? - интересуюсь пристально наблюдая за будущей тещей.

Уж больно мне не нравится ее бледность и ярко выраженная отдышка. Если добавить еще к этим симптомам боль в груди, а она скорее всего есть, судя по расположению рук Натальи Степановны, то картина вырисовывается совершенно не радужная.

Тревожная я бы сказал.

- Почему ты спрашиваешь? - ко мне поворачивается взволнованная Василиса.

- Недавно, - отвечает ее мать. - Высокое очень. Я едва смогла найти силы и подняться с постели.

- Насколько высокое? - не унимаюсь. Интуиция меня еще никогда не подводила, не подвела и на этот раз.

Подхожу к Наталье Степановне, беру ее под локоть. Бережно, без резких движений, придерживаю и помогаю идти.

- Давайте я вас провожу до кровати, - обращаюсь с легкой улыбкой к больной женщине. - Лис, - кидаю Высоцкой так, чтоб ее мать не слышала. - Тонометр неси.

- Хорошо, - торопливо кивает и уносится в сторону кухни.

Проходим глубже в квартиру, делаю вдох и улавливаю характерный запах одного крайне распространенного препарата от сердца. Хмурюсь еще сильнее.

- Давление высокое было? - снова обращаюсь к Наталье Степановне. Сейчас с нее спала спесь и она превратилась в самую обыкновенную женщину.

Вот бы у Высоцких всегда такой мать была. Цены б ей не было!

- Очень, - отвечает и снова принимается дышать часто. Любое движение лишь усугубляет ее состояние.

Вот же блин!

Довожу свою подопечную до дивана, укладываю. Идти в ее спальню сейчас совершенно не стоит, угрозу в себе несет каждый новый шаг.

Наталье Степановне нужно успокоиться и отдохнуть, убрать физические нагрузки и напряжение. А нам с Василисой необходимо как можно скорее вызвать “Скорую помощь”, ведь, несмотря на правильную постановку диагноза, я мало чем смогу помочь ее матери без лекарств.

- Лиса! - немного повышаю голос, но этого оказывается достаточно для того, чтобы Высоцкая тотчас прибежала ко мне. - Нашла?

- Да! - говорит спешно быстрым шагом направляясь ко мне. - Держи, - протягивает тонометр и отходит в сторону, чтобы не мешать. Остается в поле видимости. - Что с ней? - не выдерживает моего молчания.

- Сейчас выясним, - отвечаю спокойно, не хочу ее волновать еще сильнее, чем уже есть.

Измеряю давление, наблюдаю за дыханием, сверяю пока-

затели пульса. М-да… Вот и заехали, блин, за вещами…

- Лис, твоя мама под контролем, - обращаюсь к любимой. - Ты пока можешь спокойно собрать все, что тебе потребуется.

- Правда? - интересуется с надеждой. - Я тебе не нужна?

- Ты мне всегда нужна, - ухмыляюсь от двусмысленности вопроса. - Но конкретно сейчас иди и делай то, за чем мы приехали.

- Х-хорошо, - растерянно произносит, смотрит на мать, но не решается ей сказать ни слова. Молча разворачивается и уходит в свою комнату.

- И как давно у вас проблемы с сердцем? - обращаюсь к своей пациентке.

- У меня с ним все в порядке, - небрежно отмахивается. - Я еще всех вас переживу!

Наталья Степановна упряма до невыносимости. Ни в какую не желает рассказывать правду и тем самым облегчать мою задачу.

Похоже, теперь я понял, в кого у Высоцких выросли такие дети. В нее!

- Я вижу, - показываю на показатели прибора. - Его не обманешь, - стучу по экрану пальцем. - "Скорую" вызвали или это сделать мне?

- Не надо никого вызывать! - принимается отмахиваться от меня. - Со мной все будет в порядке! Я сейчас немного полежу и все будет хорошо.

- Угу, - киваю. - Как скажете, - делаю вид, что соглашаюсь.

Поднимаюсь с постели, осматриваюсь вокруг. Конечно, глупо надеяться на наличие у Натальи Степановны необходимых препаратов, но я все равно всматриваюсь в каждую полку, что находится в комнате, в каждую рабочую поверхность.

Увы. Чуда не произошло.

- Вы пока полежите, - обращаюсь к своей пациентке. - Я Василисе пока помогу. А вас чуть позже проведаю.

- Хорошо, - соглашается, не заподозрив подвоха в моем поведении. - Водички, будь добр, принеси.

- Принесу, - обещаю.

Но вместо кухни направляюсь в спальню к Лисе. Захожу, прикрываю за собой дверь.

- Саша? - девушка слышит шум и оборачивается, удивленно смотрит на меня.

- Телефон далеко? - в два счета разрезаю расстояние между нами.

- Зачем тебе мой телефон? - спрашивает без задней мысли.

- "Скорую" будем вызывать, - отрезаю.

- Для кого? - ахает. Она действительно не понимает насколько все с Натальей Степановной серьезно.

- У твоей матери гипертонический криз, - объясняю. - Ей срочно нужна медицинская помощь.

- Ты ж врач, - хмурится, вопросительно смотрит на меня.

- Врач, - киваю. - Только вот у меня лекарств с собой нет.

Лиса смотрит на меня в немом шоке, но протягивает свой телефон и называет пароль. Снимаю блокировку, набираю номер экстренной службы.

- Старший дежурный, - в динамике раздается стандартное приветствие. - Что у вас случилось?

- Женщина. Около шестидесяти, - сухо обозначаю факты. - Гипертонический криз.

Глава 19. Василиса

Маму увозят на “Скорой”, а у меня сердце разрывается на части. Еще один дорогой мне человек попал в больницу и моя психика никак не желает этого принимать.

- С ней все будет в порядке, - уверенно говорит Саша. Он обнимает меня сзади, а я кладу голову ему на грудь.

- Очень на это надеюсь, - шепчу еле слышно.

Некоторое время стоим с Сашей в обнимку, смотрим на пустующий двор и молчим. У меня из головы не идут слова мамы про Гришу. Хмельницкий, думаю, размышляет об этом же.

- Саш, как ты думаешь, он и правда маме угрожал? - не выдержав нарушаю царящую в квартире тишину.

- Вряд ли бы Наталья Степановна отреагировала подобным образом на пустые слова, - задумчиво отвечает Хмельницкий. - У тебя не мама, а кремень, - ухмыляется горько. - Как думаешь, что должно было произойти, чтобы довести ее до такого состояния?

- Не знаю, - произношу и ежусь. Мурашки пробегают по коже от одного осознавания, что незадолго до нашего приезда Гриша заявился сюда.

- Лис, он не тронет ни тебя, ни наших мальчишек, - заявляет Хмельницкий. В его голосе столько уверенности, что мне удается немного успокоиться.

- Я за себя не волнуюсь, - признаюсь. - Мне за Феденьку страшно. Степка ж попал в больницу после прогулки с ним.

- Завтра ты ложишься в больницу, там он тебя не достанет, - говорит спокойно и твердо. - Федя будет жить у меня все это время. Маринка его в обиду не даст.

- Разве много может сделать девушка против мужчины? - спрашиваю печально.

- Много, - отрезает. - Особенно, если ты кмс по каратэ.

- Ого, - разворачиваюсь и удивленно смотрю на Хмельницкого. - Оказывается, у тебя сестренка с сюрпризом.

- Еще с каким, - посмеивается глядя на мои округлившиеся глаза. - Пойдем вещи собирать, - кивает в сторону комнаты. - У нас впереди много дел.

- Пойдем, - соглашаюсь и нехотя отхожу от Саши.

Захожу в комнату, открываю шкаф, натыкаюсь на вещи своего бывшего мужа и в груди просыпается неимоверное отторжение. Бегу на кухню, достаю пакеты и сумки, хватаю их, возвращаюсь назад. Одним махом сваливаю содержимое полки на пол, лихорадочно распихиваю вещи по пакетам и сумкам. Меня всю трясет.

- Ш-ш-ш, - Саша бережно поднимает меня за плечи, подводит к кровати, сажает к себе на колени и обнимает. - Успокойся, - говорит спокойно и тихо, но вместе с этим уверенно и твердо. - Все будет хорошо.

Бросаюсь к нему на шею и даю волю слезам, меня разрывает на части от обиды и боли. Ну почему? Почему на нас

навалилось это все?

Степка в больнице, мама тоже. Феденьку придется бросить на совершенно посторонних для малыша людей.

Как же быть? Что делать? Просто не представляю.

Так плохо… Мне еще не было никогда хуже, чем сейчас!

- Саша, - держусь за Хмельницкого, словно за спасительный плот. - Я не представляю, как выдержать и не сломаться, - всхлипываю. - Так много проблем, - шепчу качая головой. - Так много…

- Справимся! - заверяет, заключая в ладони мое лицо. Смотрит внимательно и серьезно, не улыбается. Сила и твердость отражаются в глубине его глаз.

Хмельницкий- моя опора и моя надежность. Он своей верой в меня придает столько сил!

Когда Саша рядом, то я чувствую, что справлюсь со многим. Только бы сейчас он никуда от меня не уходил…

- Лисенок, вместе мы все преодолеем, - продолжает. - Ты только больше не скрывай от меня ничего. Хорошо?

Его взгляд… Пробирает до глубины души! Он прожигает дыру в груди и не позволяет ни на секунду сомневаться в мужчине.

Впервые в жизни я твердо знаю и понимаю, какой именно мне все это время нужен был человек.

- Я постараюсь больше от тебя ничего не скрывать, - соглашаюсь, кусая губы. - Но ты тоже мне пообещай, пожалуйста, - прошу его в ответ.

Мое согласие действует на Сашу как самое лучшее успокоительное и антидепрессант. Он вдруг расслабляется и вновь становится уязвимым. Позволяет мне видеть и ощущать силу его любви ко мне.

- Проси, что хочешь, - произносит с улыбкой. - Конечно, я не джин и лампы у меня нет, но попробую исполнить любое твое пожелание.

- Давай найдем того, кто ответил тогда на мое сообщение, а потом прислал денег, - озвучиваю то, что беспокоит меня уже который день.

Саша смотрит на меня задумчиво, хмурится. Я вижу, как он опять становится собранным и сосредоточенным.

- Хорошо, - приходит его черед согласиться с моей просьбой. - Мы найдем, кто это сделал, - обещает. - Но сначала разберемся со Степкой и вылечим нашего сына. Так будет правильнее всего.

- Да, - киваю. Внутри, наконец, зреет уверенность, что на этот раз все будет сделано правильно. Вместе мы все преодолеем и все решим!

Сначала вытащим Степу и вылечим его. Сыновья всегда будут стоять на первом месте у нас обоих. Теперь я четко знаю, Хмельницкий никогда не откажется от них.

После того, как разберемся со здоровьем Степы, займемся мамой. Ведь не просто так у нее произошел гипертонический криз.

Правильно Саша сказал, моя мама - кремень! Она суро-

вая и сильная женщина, воспитавшая и поставившая на ноги меня и моих братьев.

Я ни за что не поверю, что гипертонический криз проявился на ровном месте. Даже если б Гриша заявился и начал ей угрожать, она бы его не просто выставила из квартиры, а с лестницы спустила.

Моя мама и не такое могла с ним сделать. Она уже однажды провернула нечто подобное с одним навязчивым ухажером, от которого я никак не могла избавиться.

Как тот летел и что она о нем думает слышал весь дом! Это было крайне феерично.

А сейчас…

Сейчас мама в больнице после разговора с моим законным мужем. Блин! Надо как можно скорее с ним развестись!

- Саша! - резко поворачиваюсь к Хмельницкому. Ко мне в голову пришла отличная идея и я хочу немедленно поделиться ею с ним. - Тебе нужно сделать тест ДНК!

- Зачем? - удивляется. - Я тебе верю, тем более по срокам все сходится.

- По срокам? - щурюсь. В заполненных мною документах при поступлении написано иное… Я же специально наврала.

- Лисен, конечно, есть и врачебная тайна, и врачебная этика, - говорит со мной, как с маленьким ребенком. - Но прежде, чем указывать неверную информацию, тебе нужно было учитывать одну простую вещь. Сейчас ведется электронная карта ребенка и я могу посмотреть совершенно все,

что было сделано в государственных больницах с момента выписки ребенка из роддома.

У меня шок.

Почему-то о подобном я даже не задумывалась… Педиатр особо вопросы не задавал, на годовалом обследовании тоже не спрашивали…

М-да… Теперь я, кажется, понимаю причину. Они все видели в карте.

Вот же глупая я!

- Зачем ты хочешь сделать тест? - интересуется в итоге.

- Чтобы развестись с Гришей и оставить его без права на сыновей.

___

Дорогой читатель! Ты дочитал до конца ознакомительного фрагмента, чтобы читать дальше, нужно оплатить доступ. Он оплачивается лишь один раз, последующих оплат не требуется. Если возникают трудности, но нужно обратиться в службу поддержки. "Врачебная тайна. Шанс на счастье" от КЭТИ СВИТ роман, который не оставляет равнодушным. Присоединяйтесь к тысячам читателей, которые уже приобрели историю и утолили свое любопытство!

Глава 20. Василиса

Верно говорят, что когда приходит правильное решение, то сердце откликается на него. Так происходит со мной сейчас. Только стоило прийти к выводу о необходимости теста ДНК мальчишек и Саши, как я вдруг ни с того ни с сего почувствовала, что вот оно! Единственное правильное решение!

Идеальный вариант.

- Завтра у меня на руках будет заключение анализа, - своим ответом Хмельницкий в очередной раз удивляет меня.

- В смысле? - смотрю на него. Я в шоке. Не понимаю…

Неужели Саша?..

- Я сделал анализ ДНК себя и Степы, - говорит как ни в чем ни бывало.

У меня пропадает дар речи. Сделал анализ ДНК? Без моего ведома? Вот же сволочь! И тут же ловлю себя на мысли, что улыбаюсь при этом.

Пытаюсь сделать грозным лицо и хмуро посмотреть на Сашу, но ничего не выходит. Моя сила воли всегда зас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.